

Библиотека
журнала
ЛОГОС

John Gray

FELINE PHILOSOPHY
CATS AND THE
MEANING OF LIFE

Джон Грэй

КОШАЧЬЯ ФИЛОСОФИЯ
КОШКИ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Перевод с английского
Инны Кушнаревой

*Издательство
Института Гайдара
МОСКВА
2023*

ББК 87.751
УДК 171.0
Г91

Составитель серии В. В. Анашвили

Грэй, Д.

Г91 Кошачья философия. Кошки и смысл жизни / Пер. с англ. И. Кушнаревой.
М. : Изд-во Института Гайдара, 2023. — 136 с. — (Библиотека журнала
«Логос»).

ISBN 978-5-93255-645-0

Монтень писал: «Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, нежели я ею!» У нас нет никаких свидетельств того, что люди когда-либо действительно «одомашнили» кошек. Скорее, в какой-то момент кошки поняли, что люди могут быть им полезными. В этой книге Джон Грэй пытается разобраться с философскими и моральными проблемами очень странных связей между людьми и этими замечательными животными. Опираясь на многовековое философское наследие — от Монтеня до Шопенгауэра, — он разбирает, какие отношения сложились у нас с этим самым необычным «питомцем».

В основе книги лежит чувство глубокой признательности кошкам как, пожалуй, единственному виду, который помогает нам — в нашем глубоком одиночестве в мире — понять свою собственную животную природу.

FELINE PHILOSOPHY
Copyright © 2020, John Gray
All rights reserved

© Издательство Института Гайдара, 2023

ISBN 978-5-93255-645-0

СОДЕРЖАНИЕ

1. Кошки и философия 7
 - Антифилософ, любивший кошек: Мишель де Монтень 13
 - Путешествие Мео 17
 - Как кошки приручили людей 24
 2. Почему кошки не стремятся изо всех сил быть счастливыми 33
 - Когда философы говорят о счастье 34
 - Паскаль о развлечениях 40
 - Ходж и грехопадение 47
 3. Кошачья этика 54
 - Мораль, особая практика 54
 - Спиноза о том, как жить в гармонии со своей природой 56
 - Самоотверженный эгоизм 70
 4. Любовь человека и любовь кошек 80
 - Триумф Сахи 80
 - Самая большая добыча Мина 83
 - Любовь к Лили 89
 - Гаттино исчезает 93
 5. Время, смерть и кошачья душа 103
 - Прощание с Мури 103
 - Цивилизация как отрицание смерти 107
 - Кошки как боги 115
 6. Кошки и смысл жизни 121
 - Кошачья природа, человеческая природа 122
 - Десять кошачьих советов о том, как жить хорошо 124
 - Мео на подоконнике 127
- Благодарности 129

1. КОШКИ И ФИЛОСОФИЯ

ОДИН философ однажды заявил мне, что его кошка стала веганом. Решив, что он шутит, я спросил его, как ему удалось этого добиться. Он снабжал ее веганскими лакомствами со вкусом мышки? Представил ей других кошек, уже практикующих веганство, в качестве ролевой модели? Или затеял с кошкой дискуссию и убедил ее, что есть мясо — плохо? Мой собеседник не шутил. Я вдруг понял, что он и вправду верит, что кошка сама выбрала рацион без мяса. Поэтому я закончил нашу беседу вопросом: а выпускает ли он свою кошку на улицу? Да, ответил он. Загадка была решена. Кошка просто-напросто подъедалась у других людей и охотилась. Если она приносила домой какие-то останки — практика, к которой этически неразвитые кошки, к сожалению, весьма склонны, — благородный философ умудрялся их не замечать.

Нетрудно себе представить, как кошка, ставшая объектом этого эксперимента в области морального воспитания, должна была смотреть на своего наставника. Недоумение, вызванное поведением философа, вскоре должно было смениться у нее безразличием. Кошки, редко делающие что-то без определенной цели или не ради сиюминутного удовольствия, — большие реалисты. Если они сталкиваются с человеческим безумием, они просто отходят в сторону.

Философ, считавший, что убедил свою кошку отказаться от мяса, только продемонстрировал, насколько глупыми могут быть философы. Вместо того что-

бы учить свою кошку, лучше бы он поучился у нее сам. Люди не могут стать кошками. Но если они отбросят идею, что они — высшие существа, они смогут понять, как кошки могут жить припеваючи, не терзая себя вопросами о том, как жить.

Кошкам не нужна философия. Подчиняясь своей природе, они довольствуются той жизнью, которую она им дает. В случае же с людьми неудовлетворенность своей природой кажется естественной. Человеческое животное никогда не перестает стремиться быть чем-то, чем оно не является, а это неизбежно ведет либо к трагедии, либо к фарсу. Кошки ни к чему такому не стремятся. Человеческая жизнь — это преимущественно борьба за счастье. У кошек же счастье — состояние, данное по умолчанию, если нет практических угроз их благополучию. Возможно, именно поэтому многие из нас так любят кошек. Они по праву рождения наделены счастьем, которого люди, как выясняется сплошь и рядом, достичь не в состоянии.

Источник философии — тревога, кошки же не страдают тревожностью, если только не сталкиваются с прямой опасностью или не оказываются в странном месте. Для людей сам мир — опасное и странное место. Религия — это попытка сделать нечеловеческую вселенную пригодной для жизни людей. Философы часто презрительно отмахивались от этих представлений на том основании, что они значительно уступают их собственным метафизическим выкладкам, но религия и философия служат одной и той же цели¹. Обе стараются подавить неутраченное беспокойство, не отделимое от человеческой природы.

Люди простодушные скажут, что кошки не практикуют философию, потому что лишены абстрактно-

1. Я обсуждал эти взгляды на религию в: John Gray, *Seven Types of Atheism* (London: Penguin Books, 2019), p. 9–144.

го мышления. Однако можно представить себе вид кошек, который имел бы такую способность, но при этом жил бы в мире с такой же легкостью. Если бы эти кошки обратились к философии, она походила бы на забавное отвлечение фантастической литературы. Эти кошки-философы не стали бы смотреть на нее как на лекарство от тревоги, они включились бы в своеобразную игру.

Отсутствие у кошек абстрактного мышления — не признак их неполноценности. Наоборот, это признак свободы ума. Мышление посредством обобщений быстро скатывается в суеверную одержимость языком. Немалая часть истории философии была связана с поклонением языковой функции. Кошки, полагающиеся на то, что они могут потрогать, понюхать и увидеть, не подчиняются власти слов.

Философия дает много свидетельств хрупкости человеческого ума. Люди философствуют по той же причине, по которой молятся. Они знают, что смысл, который они придумали для своей жизни, хрупок и может в любую минуту разрушиться. Смерть — предельное разрушение смысла, так как она означает конец любой истории, которую люди себе рассказывали. Поэтому люди представляют себе переход к жизни вне тела в мире, пребывающем вне времени, и продолжение человеческой истории уже там.

На протяжении всей истории философия была поиском истин, которые могли бы послужить аргументом против смерти. Платоновское учение о формах — неизменных идеях, существующих в царстве вечного, — было мистической версией этих поисков, в которой человеческие ценности получали гарантию, несмотря на смерть. Кошки, не задумывающиеся о смерти, но, кажется, прекрасно знающие, когда подходит время умирать, не нуждаются в этих сказках. Если бы они и могли понять философию, она ничему бы их не научила.

Небольшое число философов признавали, что у кошек можно кое-чему научиться. Немецкий философ XIX века Артур Шопенгауэр (род. 1788) был известен любовью к пуделям, в его поздние годы они сменяли друг друга один за другим и все носили одинаковые имена — Аتما или Буц. У него также была по крайней мере одна кошка-компаньон. Когда в 1860 году он умер от инфаркта, его нашли дома на диване, рядом с ним была кошка, имя которой не сохранилось.

Шопенгауэр использовал своих домашних питомцев как доказательство теории о том, что «я» — это иллюзия. Люди не могут не думать о кошках как об отдельных индивидах, таких же, как они сами. Но это ошибка, полагал он, поскольку и те и другие — пример платоновской формы, архетипа, возникающего в самых разных воплощениях. В конце концов каждый из этих мнимых индивидов — эфемерное воплощение чего-то более фундаментального, а именно неумолимой воли к жизни, которая, согласно Шопенгауэру, одна только по-настоящему и существует.

Он говорит об этой своей теории в «Мире как воле и представлении»:

Я знаю, если я стану серьезно уверять кого-нибудь, что кошка, которая в эту минуту играет во дворе, — это все та же самая кошка, которая три столетия назад выделявала те же шаловливые прыжки, то меня сочтут безумным; но я знаю и то, что гораздо безумнее полагать, будто нынешняя кошка совсем-совсем другая, нежели та, которая жила триста лет назад. [...] Ибо в известном смысле, разумеется, верно, что в каждом индивиде мы имеем каждый раз другое существо, именно в том смысле, который заключается в законе основания; которому подчинены также и время, и пространство, составляющие *principium individuationis*. Но в другом смысле это неверно, а именно в том, согласно которому реальность присуща только устойчивым формам вещей, идеям

и который для Платона был так ясен, что сделался его основной мыслью².

В том, что Шопенгауэр видит в кошках Вечную Кошку, есть определенное очарование. Но когда я вспоминаю кошек, которых мне довелось знать, первое, что приходит мне в голову, — насколько все они разные. Одни кошки склонны к созерцанию и спокойны, другие — крайне игривы; одни осторожны, другие — безрассудные авантюристы; одни тихие и мирные, другие — шумные и навязчивые. У каждой свои собственные вкусы, привычки и индивидуальность.

Кошки наделены природой, отличающей их от других существ — не в последнюю очередь нас самих. Природа кошек и то, чему она может нас научить, — предмет этой книги. Однако никто из тех, у кого были кошки, не может видеть в них взаимозаменяемые проявления одного-единственного типа. Каждая из них имеет уникальную индивидуальность и индивидуальна даже в большей степени, чем многие люди.

И все-таки Шопенгауэр смотрел на животных более человечно, чем другие великие философы. По некоторым сообщениям, Рене Декарт (1596–1650) выкинул кошку из окна для того, чтобы продемонстрировать отсутствие сознания у нечеловеческих животных; ее испуганные вопли были механическими реакциями, заключил он. Декарт также проводил эксперименты на собаках: он хлестал одну собаку плетью, пока рядом играли на скрипке. Так он хотел выяснить, не будет ли животное в дальнейшем пугаться звука скрипки — и оно действительно его пугалось.

2. Arthur Schopenhauer, *The World as Will and Representation*, vol. 2, translated by E.F.J. Payne (New York: Dover Publications, 1966), p. 482–483; Артур Шопенгауэр, «Мир как воля и представление», в: Артур Шопенгауэр, *Собрание сочинений: в 6 т.* (Москва: Терра, 2001), т. 2, с. 402.

Декарт придумал фразу «Я мыслю — значит, я существую». Она подразумевает, что люди — это главным образом сознание и лишь по чистой случайности физические организмы. Декарт хотел, чтобы его философия основывалась на систематическом сомнении. Но он даже не подумал оспаривать христианскую догму, отказывавшую животным в наличии души: он заново ее повторил в своей рационалистической философии. Декарт полагал, что его эксперименты доказывают, что нечеловеческие животные — бесчувственные машины. На самом деле они доказали только то, что люди могут быть безрассуднее любого другого животного.

Сознание может возникать у многих живых существ. Одна линия естественного отбора привела к людям, другая — к осьминогам. И в том и в другом случае не было никакой предопределенности. Эволюция не движется в сторону более сознательных форм жизни. Зарождаюсь случайно, сознание у организмов, которые им наделяются, появляется и исчезает³. Трансгуманисты XXI века полагают, что эволюция ведет к полностью осознающему себя космическому разуму. У подобных взглядов были предтечи в теософии, оккультизме и спиритуализме XX века⁴. Теория Дарвина не дает оснований для подобных выводов. Самосознание людей может быть случайным везением⁵.

3. См.: Peter Godfrey-Smith, *Other Minds: The Octopus and the Evolution of Intelligent Life* (London: William Collins, 2017), p. 77–105 (Chapter 4, «From White Noise to Consciousness»); Питер Годфри-Смит, *Чужой разум. Осьминоги, море и глубинные истоки сознания* (Москва: АСТ, 2020), с. 80–108 (глава 4, «От белого шума к сознанию»).
4. Я рассматриваю эти идеи космической эволюции в: John Gray, *The Immortalization Commission: The Strange Quest to Cheat Death* (London: Penguin Books, 2012), p. 213–219.
5. Касательно того, что люди могут быть единственными существами с сознанием во всем космосе см.: James Lovelock, *Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence* (London: Allen Lane, 2019), p. 3–5; Джеймс Лавлок, *Новацен. Грядущая эпоха сверхразума* (Санкт-Петер-

Этот вывод может показаться довольно мрачным. Но почему самосознание должно быть самой главной ценностью? Сознание сильно переоценено. Мир света и тени, который время от времени производит полусознающие существа, интереснее и больше пригоден для жизни, чем тот, что купается в непрерывном сиянии своей рефлексии.

Обратившись на себя, сознание становится помехой на пути к хорошей жизни. Самосознание расщепило разум человека в непрерывных попытках вытеснить болезненный опыт в отдельную область, где он был бы изолирован от осознания. Подавленная боль прорывается наружу вопросами о смысле жизни. У кошки же ум един и неделим. Боль переживается и забывается, радость жизни возвращается. Кошкам не нужно изучать свою жизнь, потому что они не сомневаются в том, что жизнь стоит того, чтобы жить. Человеческое самосознание порождает постоянное беспокойство, от которого тщетно пытается излечить философия.

*Антифилософ, любивший кошек:
Мишель де Монтень*

Более глубокое понимание кошек, а также пределов философии продемонстрировал Мишель де Монтень (1533–1592), писавший: «Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, нежели я ею!»⁶

Монтеня часто описывают как одного из основоположников гуманизма — течения, поставившего це-

бург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022), с. 15–17.

6. Michel de Montaigne, *An Apology for Raymond Sebond*, translated and edited by M. A. Screech (London: Penguin Books, 1993), p. 17; Мишель Монтень, «Апология Раймунда Сабундского», в: Мишель Монтень, *Опыты*: в 3 кн. Кн. 1–2. (Москва: Наука, 1979), с. 392.

любо отбросить любую идею Бога. На самом деле к роду человеческому он относился так же скептически, как и к Богу: «Человек — самое злополучное и хрупкое создание и тем не менее самое высокомерное». Глядя на философии прошлого, он не находил ни одной, которая могла бы заменить знание о том, как следует жить, имеющееся у животных. «На этом основании они также вправе считать нас животными, как мы их»⁷. Другие животные стоят выше человека, поскольку обладают врожденным пониманием того, как нужно жить. Здесь Монтень отступал от христианской веры и основных традиций западной философии.

Во времена Монтеня быть скептиком было опасно. Францию, как и другие европейские страны, раздирали религиозные войны. Монтень оказался втянут в них, когда вслед за своим отцом стал мэром Бордо и продолжил выступать посредником между враждующими католиками и протестантами и после того, как в 1570 году удалился от мира в свой кабинет. В роду Монтеня были мараны — иберийские евреи, которые из-за угрозы преследований со стороны церкви вынуждены были принять христианство, и, когда он выступал в своих сочинениях в поддержку церкви, он, возможно, хотел обезопасить себя от репрессий, от которых они пострадали. В то же время Монтень принадлежит к традиции мыслителей, готовых принять веру, поскольку они усомнились в возможностях разума.

Древнегреческий скептицизм был заново открыт в Европе в XV веке. Монтень подпал под влияние самого радикального его течения — пирронизма, названного в честь Пиррона Элийского (ок. 360–270 до н. э.), который вместе с армией Александра Македонского ходил в Индию, где якобы учился у гимнасофистов («обна-

7. Montaigne, *Apology for Raymond Sebond*, pp. 16, 17; Монтень, «Апология Раймунда Сабундского», с. 393.

женных мудрецов»), или йогов. Вероятно, у этих мудрецов Пиррон перенял идею о том, что цель философии — *атараксия*, особое состояние безмятежности. Возможно, он первым использовал этот термин. Приостанавливая веру и сомнение, философ-скептик может защитить себя от внутреннего беспокойства.

Монтень многому научился у пирронизма. К балкам своей башни, куда он удалился в свои поздние годы, он прикрепил цитаты из последователя Пиррона, философа Секста Эмпирика (ок. 160–210 до н. э.), автора «Пирроновых положений», где кратко излагается мировоззрение скептика:

Мы утверждаем, что начало и причина скепсиса лежат в надежде на невозмутимость. Именно богато одаренные от природы люди, смущаясь неравенством среди вещей и недоумевая, которым из них отдать предпочтение, дошли до искания того, что в вещах истинно и что ложно, чтобы после этого разбора достигнуть состояния невозмутимости⁸.

Но Монтень задавался вопросом о том, может ли философия, даже философия в духе Пиррона, избавить разум человека от треволнений. Во многих своих эссе — термин, придуманный Монтенем, идущий от французского *essais*, что означает пробы или попытки, — он использовал пирронизм как опору для веры.

Согласно Пиррону, ничего знать нельзя. Как это формулирует Монтень: «Бич человека — воображаемое знание»⁹. Пиррон учил учеников жить, полагаясь на природу, а не на доводы рассудка или принципы.

8. Sextus Empiricus, *Outlines of Scepticism*, edited by Julia Annas and Jonathan Barnes (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), pp. 5–6; Секст Эмпирик, «Три книги Пирроновых положений», в: Секст Эмпирик, *Сочинения: в 2 т.* (Москва: Мысль, 1976), т. 2, с. 209.

9. Montaigne, *Apology for Raymond Sebond*, p. 53; Монтень, «Апология Раймунда Сабундского», с. 425.

Но если рассудок бессилён, то почему бы тогда не принять тайны религии?

Все три ведущие философские школы в древней Европе — стоицизм, эпикурейство и скептицизм — в качестве цели ставили достижение невозмутимости. Философия была успокоительным лекарством, которое, если принимать его регулярно, произведет атараксию. Конечной целью философствования был мир в душе. Монтень не питал подобных надежд: «Философы всех школ согласны в том, что высшее благо состоит в спокойствии души и тела. Но где его найдешь? [...] Наш удел — лишь дым и пепел»¹⁰.

Большой скептик, чем большинство скептиков, Монтень не верил, что философствование может излечить человека от беспокойства. Философия главным образом была полезна для того, чтобы излечивать людей от философии. Как и Людвиг Витгенштейн (1889–1951), Монтень признавал, что обыденный язык замусорен остатками прошлых метафизических систем¹¹. Обнаружив эти следы и признав, что реалии, которые они описывают, по сути дела выдумка, мы смогли бы мыслить более гибко. В небольших дозах такое средство против философии — назовем его антифилософией — может приблизить нас к другим животным. Тогда мы могли бы кое-чему научиться у существ, которых философы не принимали во внимание как низших тварей.

Такого рода антифилософия начнется не с доводов разума, а с рассказа.

10. Montaigne, *Apology for Raymond Sebond*, p. 54; Монтень, «Апология Раймунда Сабундского», с. 425.
11. Идею о гомеопатической философии/антифилософии см. в: К. Т. Fann, *Wittgenstein's Conception of Philosophy* (Singapore: Partridge Publishing, 2015). В Приложении Фанн исследует некоторое сходство между поздним творчеством Витгенштейна и даосизмом (р. 99–114). Скептицизм Монтеня в отношении философии объясняется в: Hugo Friedrich, *Montaigne*, edited with an introduction by Philippe Desan, translated by Dawn Eng (Berkeley, CA: University of California Press, 1991), p. 301–309.

Путешествие Мео

На фоне резкого света, идущего из дверного проема, показался маленький черный силуэт кошки. Снаружи бушевала война. Дело происходило во вьетнамском городе Хюэ, в феврале 1968 года, в самом начале Тетского наступления Северного Вьетнама на американские силы и их союзников из Южного Вьетнама, которое пять лет спустя приведет к тому, что американцы выведут свои войска из страны. В книге «Кот из Хюэ», одном из самых выдающихся свидетельств о жизни человека на войне, тележурналист CBS Джон (Джек) Лоренс так описывал город:

Хюэ сражался особенно ожесточенно. В данном случае речь шла об уличной войне между двумя вооруженными и состоящими преимущественно из молодежи племенами. Оба они не были местными и оба намеревались во что бы то ни стало захватить территорию. Это были уличные бои, быстрые и беспощадно кровавые. Правил не существовало. Жизнь забирали, не задумываясь... В конце одна более жестокая и могущественная банда вытесняла другую и присваивала все, что осталось. Проигравшие отходили, забирая раненых и погибших, и ждали следующего дня, чтобы продолжить бой. Победителям доставались руины. Так это было в Хюэ¹².

Продолжая двигаться, черный силуэт превратился в котенка, приблизительно двух месяцев от роду, настолько крошечного, что он мог бы поместиться у Лоренса в руке. Тощий и грязный, со слипшейся тусклой шерстью, котенок принялся, почувствовав запах еды, которую американский журналист ел из армейской консервной банки. Журналист попытался заговорить

12. John Laurence, *The Cat from Huế: A Vietnam War Story* (New York: PublicAffairs, 2002), p. 23.

с котенком по-вьетнамски, тот посмотрел на него как на сумасшедшего. Он предложил котенку немного еды, котенок осторожно к ней подошел, но притрагиваться не стал. Оставив еду, американец ушел и вернулся на следующий день. Котенок снова появился в дверном проеме, осмотрелся и подошел к нему, обнюхал протянутые журналистом пальцы. У него осталась только одна банка под названием «Мясные слайсы», которую он открыл и предложил котенку. Котенок ел жадно, заглатывал пластины вареного мяса, не жуя. Затем американец намочил полотенце водой из походной фляги и, придерживая котенка, вытер грязь и вынул блох из ушей, промыл ему пасть, отмыл мордочку и усы. Котенок не сопротивлялся, а когда мытье закончилось, облизал мех на передней лапе и умылся. После этого он подошел к американцу и лизнул ему руку.

Прибыл джип, и Джек понял, что он возвращается домой. Он посадил котенка в карман, и так началась их дружба: из Хюэ они перебрались на вертолете в Дананг, где котенок, которого теперь звали Мео, жил в отсеке для прессы и сытно питался пять-шесть раз в день. По дороге Мео разорвал ткань куртки Джека и попытался сбежать, отправившись исследовать кабину вертолета и взобравшись на ремни пилота. Они поехали в Сайгон, и на этот раз Мео путешествовал в картонной коробке вместе со своим одеялом и игрушками, поэтому не мог выбраться в салон и всю дорогу истошно вопил. Они остановились в гостинице, где Мео помыли, несмотря на его ожесточенное сопротивление. Его шерсть, казавшаяся черной, была невольной маскировкой: на самом деле он был метисом, рыжим сиамцем с ярко-голубыми глазами.

В гостинице Мео регулярно, четыре раза в день, кормили рыбьими головами и остатками риса с кухни, хотя он залезал в другие номера в поисках дополнительного пропитания. Он прыгал на подоконник гостиничного

номера и лежал там часами, все время настороже и почти не двигаясь. Он наблюдал за передвижениями людей, огней и машин внизу. Чтобы пережить опыт войны, американские журналисты обкуривались, устраивали попойки, а потом вырубались и вскакивали от кошмаров. Время от времени они ездили на побывку домой, но война ездил вместе с ними и продолжала тревожить их сон. Мео же «казалось, понимал происходящее лучше любого из нас... И это давало ему свободу, даже в плену. Когда он сидел у открытого окна... окутанный тонким облаком сигаретного дыма, его глаза были такими же глубокими, синими и божественными, как Южно-Китайское море»¹³.

Спал он в бункере, который выбрал себе сам, в большой картонной коробке, где он прогрыз дыру (у него ушла на это неделя) — достаточно большую, чтобы он мог в нее протиснуться. Он гонял дюжину диких кошек, живших на территории отеля, которые научились его избегать, и использовал сад и гостиничные номера как свои охотничьи угодья, где ловил и ел ящериц, голубей, насекомых и змей; возможно, он изловил и павлина, исчезнувшего таинственным образом. Зубы у него были острые как кинжалы, он был «маленьким белым охотником, прирожденным убийцей, в засаде ждущим своего часа»¹⁴. Он враждебно относился ко всем, кроме вьетнамцев, работавших в отеле и кормивших его, — ко всем, кто заходил в номер, особенно к американцам. «Казалось, что он затаил обиду на людей... Замкнутый и скрытный, враждебный ко всем, кроме вьетнамцев, он был злобным диким животным, особенно таинственным и загадочным котом»¹⁵.

13. Laurence, *The Cat from Hué*, p. 496.

14. *Ibid.*, p. 489.

15. *Ibid.*, p. 485.

Он ничего не боялся и ни разу не попался, когда залезал в чужие номера. Джек начал видеть в нем воплощение Сунь-цзы, автора «Искусства войны»: «Умный, дерзкий, хитроумный, свирепый ... вьетконговский вариант китайского воина-философа в теле кота ... Совсем молодой кот, он был крутым, независимым, вспыльчивым. Он был похож на солдата и безмятежен. Дзенский воин в белом меху ... Безрассудство было частью его очарования ... Прогуливаясь по карнизу отеля, нападая на животных крупнее себя, устраивая засады со злобным коварством, он рисковал жизнью с бесстрашной непринужденностью победителя... Он никогда не нервничал и не тратил зря энергию. Его движения были плавными, неувовимо-загадочными»¹⁶.

Подобрав Мео, Джек понял, что сделал это для утверждения жизни в ситуации, когда она уничтожалась в гигантских масштабах:

Давая приют и пищу коту, я утверждал, что жизнь, пусть малая и незначительная, имеет значение в самый разгар резни. Это делалось бессознательно. Я был молод и не задумывался о мотивах своих поступков. В то время мне казалось, что так и надо. Хотя мы с Мео смотрели друг на друга как на врагов, мы начали странным образом зависеть друг от друга — просто потому, что были рядом, в нашей вражде была некая надежность. Когда я возвращался в номер из поездки на передовую и слышал, как он возится в своем бункере, или пьет воду из крана в ванной, или роняет что-то со стола, это было как вернуться домой, почувствовать себя в безопасности. Его беспричинные нападения на меня случались реже, стали менее свирепыми, больше походили на ритуал. От того, что мы вместе прошли через Хюэ, между нами, по-видимому, образовалась связь. Забота о нем давала мне хотя бы небольшую постороннюю цель, помимо непрерывной трансляции ужасов войны¹⁷.

16. Laurence, *The Cat from Hué*, p. 491, 498–499.

17. *Ibid.*, p. 498.

В мае 1968-го Джек вернулся домой, а Мео отправил в грузовом отсеке другим рейсом. Если бы Мео остался в Сайгоне, он, скорее всего, оказался бы среди других животных, ставших жертвами войны, — неизвестного числа собак, обезьян, буйволов, слонов, тигров и кошек, погибших в ходе конфликта. Если бы Вьетконг провел еще одно наступление, началась бы нехватка продовольствия. Мео вполне могли бы сварить и съесть. Поэтому Джек отвез его в Сайгонский зоопарк, который стоял полупустым, потому что некоторые животные умерли от голода во время предыдущего наступления и посетители туда больше не ходили. Там Мео сделали прививки, необходимые для получения разрешения на выезд. Через несколько дней он, шипя и царапаясь, отправился в тридцатичасовое путешествие в Нью-Йорк. Когда Джек забрал его и выпустил в салоне машины, кот вскочил на приборную панель, залез ему на плечо, все обнюхал и принялся смотреть на проходящие машины. Прибыв в дом матери Джека в Коннектикуте, он съел целую банку американского тунца.

Мео хорошо устроился в своем новом доме, распугал других кошек, охотился, кидался на незнакомых взрослых и мило играл с местными детьми. Семья тоже привыкла к нему. Он пугался звука пылесоса, который мог напоминать ему грохот танка или рев самолета, поэтому, когда он был поблизости, пылесосом не пользовались. После того как Мео накинулся на экономку, та уволилась. Когда он исчез, мать Джека искала его несколько дней, пока не нашла в коробке в гараже, куда он залез, судя по всему, после того, как попал под машину.

Вердикт ветеринара был неутешительным. У Мео было раздроблено плечо, и ему нужна была дорогая операция в ветеринарной клинике. Тем не менее спустя шесть недель он вернулся в дом матери Джека, где заново исследовал свои любимые места и зажил прежней жизнью — лазил по деревьям, спал на солнце и охотился. Его

хорошее самочувствие продолжалось до тех пор, пока сильное чихание и потеря аппетита не сигнализировали о пневмонии, из-за которой он снова попал в больницу еще на три недели. Запрещенные лакомства проносились тайком, и весь персонал клиники обращался с ним очень бережно. На этот раз Мео полностью выздоровел, хотя привычка чихать осталась у него до конца жизни.

Поправившись, Мео уехал из Коннектикута, чтобы присоединиться к Джеку в квартире с одной спальней в браунстоуне на Манхэттене, где тот жил со своей женой Джой. В 1970 году Джек на месяц снова уехал во Вьетнам, и Мео, кажется, скучал по нему. Когда Джек вернулся, Мео его проигнорировал. Он тщательно обнюхал его багаж, как будто он ему о чем-то напомнил. Джек подарил ему игрушку из Сайгона, но кот ее тоже проигнорировал, пошел в бункер и провел оставшуюся часть дня там. Вечером, однако, по словам Джой, Мео забрался к Джеку на кровать, сел в изголовье и несколько часов смотрел на его лицо, пока тот спал.

Вернувшись в Америку, Джек вспоминал о времени, проведенном во Вьетнаме с волнением и ужасом. Он боролся со своими кошмарами при помощи наркотиков и алкоголя. К началу 1970-х Нью-Йорк стал опасным местом, и временами Джеку казалось, что он снова очутился в зоне боевых действий. Когда освободилось место корреспондента в Лондоне, он предложил свою кандидатуру. Мео последовал за Джеком и Джой в Лондон, где у пары родились две дочери. Мео пришлось просидеть полгода в карантине, этой пытки он никогда не забудет и не простит, хотя Джек и Джой регулярно его навещали. Когда Мео снова начал с ними жить, он стал еще более диким, чем раньше, вовсю драл их лондонскую квартиру. Во сне он порой напрягался и трясся, «как будто... сражался с призраками»¹⁸.

18. Laurence, *The Cat from Hué*, p. 820.

Некоторое время спустя Мео зажил уютной и спокойной жизнью с Джеком, Джой и их двумя маленькими детьми. Одна из них, Джессика, давала ему лакомства между кормежками, и Мео спал в ее кровати. К тому времени с Джеком он обращался как со старым другом, слизывал капли виски у него с пальцев поздно ночью и уходил спать в то же самое время, что и Джек. Мео прожил до 1983 года, когда вторая пневмония оказалась для него смертельной. Джек подумал, что кот предпочел бы климат потеплее. Его доконала английская погода.

Джек вспоминал Мео:

Один в ночи, блуждая по дальним углам квартиры, он орал так, как не орал никогда, как не орало ни одно животное, какое я слышал. Казалось, это был крик животного, которого забрали с воли, или из дома, или оторвали от семьи. Это был, скорее, вой, долгий, протяжный, не крик и не мяуканье, не обычный звук кошки, но призыв, исходивший из самой глубины души, вопль из леса. Мео так выл только тогда, когда дома было тихо, все спали и он думал, что он один. Этот вопль не был ни к кому обращен, только к нему самому¹⁹.

Пока Мео бесстрашно путешествовал по всему миру, человечество продолжало свои злоключения. Спустя некоторое время после того, как он покинул Вьетнам, прекрасный древний город Хюэ был стерт с лица земли. Неназванный американский майор так прокомментировал это событие одному журналисту: «Город нужно было разрушить, чтобы спасти». Событие стало известно как «Бойня в Хюэ»: армия Северного Вьетнама убила тысячи жителей (точное число неизвестно). Американцы применили дефолиант *Agent Orange*, который уничтожил леса — среду обитания бесчисленного числа животных — и вызвал появление генетических дефектов у людей. Более 58000 американских солдат погибли

19. Laurence, *The Cat from Hué*, p. 822.

во время конфликта. Потери вьетнамского гражданского населения составили около 2 миллионов. Огромное число прочих вьетнамцев были ранены, покалечены и травмированы.

На фоне дыма и пепла истории Мео прожил яростную и радостную жизнь. Оторванному от дома из-за человеческих безумств, ему хорошо было везде, куда заносила его судьба.

Джек писал:

Мне кажется, что мы научились уважать навыки выживания друг в друге. Не было никакого сомнения в том, что ограниченное количество жизней, которое было ему отведено, он уже давно использовал, поэтому каждый новый день его жизни был бонусом. Кроме того, он казался мудрым. Он знал. Мы стали друзьями. Наши долгие отношения любви-ненависти символизировали связь между двумя нашими странами, пропитанными кровью друг друга, сомкнувшимися в неразрывных объятьях жизни, страданий и смерти²⁰.

Как кошки приручили людей

Люди никогда не приручали кошек. Отдельный вид кошек — *felis silvestris*, дикая кошка камышового расцветки — распространился по миру, научившись жить рядом с людьми. Нынешние домашние кошки — потомки одного из подвидов этого вида, *felis silvestris lybica*, которые стали жить с людьми около 12000 лет назад в районах Ближнего Востока, теперь входящих в Турцию, Ирак и Израиль. Наводнив деревни в этих районах, эти кошки сумели заставить людей перейти к более оседлому образу жизни, который был выгоден им самим. Охотясь за грызунами и другой живностью, которую привлекали хранилища зерна и семян, и подбирая остатки

20. Laurence, *The Cat from Huế*, p. 822.

мяса убитых животных, кошки сделали из человеческих поселений надежный источник пропитания.

Недавно полученные свидетельства показывают, что похожие процессы независимо происходили в Китае около 5000 лет тому назад, когда центрально-азиатская разновидность *felis silvestris* применила ту же стратегию. Когда кошки начали жить в тесной близости с человеком, он очень быстро понял их полезность. Обычной практикой стало использование кошек для борьбы с вредителями на фермах и кораблях, отправлявшихся в плавание. В качестве тайных пассажиров, случайных путешественников или охотников на крыс кошки на кораблях добрались до тех частей света, где их никогда не было раньше. Сегодня во многих странах они превосходят по численности собак и любые другие виды животных, живущих в домах²¹.

Кошки начали процесс одомашнивания и сделали это на своих условиях. В отличие от других видов, находивших пропитание в поселениях человека, они продолжали жить рядом с людьми, не меняя своей дикой природы. Геном домашних кошек лишь немного отличается от генома их диких сородичей. У них чуть короче лапы и более разнообразная расцветка. Но при всем при этом, как отмечает Абигейл Такер, «кошки так мало изменились физически за время своего пребывания рядом с людьми, что даже сегодня эксперты часто не могут отличить домашних кошек камышового окраса от диких. Это существенно усложняет изучение приручения кошек. Практически невозможно показать этапы перехода кошек к жизни с людьми, опираясь на древние останки, которые мало изменились даже по сравнению с современностью»²².

21. Авторитетное описание приручения домашних кошек см. в: Abigail Tucker's, *The Lion in the Living Room: How House Cats Tamed Us and Took over the World* (New York and London: Simon and Schuster, 2016), p. 31–35.

22. *Ibid.*, p. 32.

Когда домашних кошек не держат взаперти, их поведение мало чем отличается от поведения диких сородичей. Хотя кошка может считать своими несколько домов, дом — это база, где она кормится, спит и рождает. Есть четкие территориальные границы, у котят они немного шире, чем у кошек, и при необходимости эти границы защищаются от других кошек. Размер мозга домашних кошек немного уменьшился по сравнению с дикими, но это не делает домашних кошек менее умными или хуже приспособляющимися. Поскольку уменьшилась та часть мозга, которая отвечает за реакцию «бей или беги», домашние кошки научились терпеть ситуации, которые бы вызвали стресс у диких, — например встречи с людьми и другими кошками.

Одной из причин, по которым люди стали держать кошек, была их помощь в сокращении численности грызунов. И тысячи лет назад они уже охотились на мышей, поедавших зерно, запасенное людьми. Однако во многих случаях кошки и мыши не являются естественными врагами, а взаимодействуя друг с другом, они часто делят общий ресурс, например домашний мусор. Кошки не очень эффективны для борьбы с распространением вредителей. Домашние мыши, возможно, эволюционировали вместе с домашними кошками и научились сосуществовать с ними. Есть фотографии, на которых кошки и мыши вместе: их разделяют всего несколько сантиметров, и кошки не проявляют никакого интереса к мышам²³.

Более фундаментальная причина, по которой люди впустили кошек в свои дома, в том, что кошки научили людей их любить. Это главный мотив для одомашнивания кошек. Они так зачаровывают, что на них часто смотрят как на существ не от мира сего. Человек нуждается в чем-то помимо своего человеческого мира, в противном случае он сойдет с ума. Анимизм, старейшая и самая

23. Tucker, *The Lion in the Living Room*, p. 47.

универсальная религия, отвечал этой потребности тем, что признавал в нечеловеческих животных нашу духовную ровню, даже существ более высокого порядка. Поклоняясь этим созданиям, наши предки получали возможность взаимодействовать с жизнью за пределами их собственной.

С того момента, как они приручили людей, кошкам уже не нужно было полагаться на охоту ради пропитания. Но кошки остаются охотниками по своей природе, и, когда люди перестают их кормить, они возвращаются к своей охотничьей жизни. Как пишет Элизабет Маршалл Томас в книге «Племя тигра: кошки и их культура»: «История кошек — это история мяса»²⁴. Неважно, большие или маленькие, кошки — суперхищники: в природе они едят только мясо. Именно поэтому большие кошки сегодня находятся в опасности. Рост численности людей означает разрастание их поселений и сокращение открытых пространств. Кошки — в высшей степени приспособляемые существа, процветающие в джунглях, пустынях и горах, а также на открытых просторах саванны. В эволюционном отношении они необыкновенно успешны. Но они также крайне уязвимы. Когда их места обитания и источники пропитания исчезают, они вынуждены вступать в конфликты с людьми, неизбежно проигрывая последним.

Охота и убийство добычи заложено в инстинктах кошек, и, когда котята играют, они играют именно в охоту. Мясо нужно кошкам, чтобы жить. Они могут усваивать жизненно важные жирные кислоты только из мяса других животных. Жизнь без мяса, предложенная философ-моралистом, грозила бы кошкам гибелью.

То, как кошки охотятся, может многое о них рассказать. В отличие от львов, охотящихся стаями, кошки охо-

24. Elizabeth Marshall Thomas, *The Tribe of Tiger: Cats and Their Culture*, illustrated by Jared Taylor Williams (London: Orion Books, 1995), p. 3.

тятся в одиночку, устраивая засаду на свою добычу, особенно по ночам. Благодаря этому они развили ловкость, навыки прыжков и атаки в погоне за мелкой добычей. Волки, эволюционные предки собак, охотятся на более крупную добычу группами, скрепленными отношениями господства и подчинения. У кошек нельзя найти никаких черт поведения волков. То, как кошки относятся друг к другу, определяется их природой одиноких охотников.

Кошки не всегда живут в одиночку. Да и как они могли бы так жить? Они сходятся друг с другом, чтобы спариться, они рождаются в семьях, а при наличии бесперебойного питания могут образовать колонии. Когда в одном месте живут несколько кошек, среди них может появиться доминирующая кошка. Кошки могут самым жестоким образом конкурировать за территорию и партнеров для спаривания. Но среди них нет никаких устоявшихся иерархий, которые определяют взаимодействие среди людей и их ближайших эволюционных родственников. В отличие от шимпанзе и горилл, у кошек не бывает альфа-самцов или вожаков. Когда нужно, они сотрудничают ради удовлетворения своих потребностей, но они не сливаются ни с одной социальной группой. Не существует кошачьих стай, стад или конгрегаций.

То, что кошки не признают вожаков, возможно, объясняет, почему они не подчиняются человеку. Они не повинуются людям, с которыми живут, и не пресмыкаются перед ними. Даже полагаясь на нас, они сохраняют свою независимость. Если они проявляют к нам чувства, то это не только любовь по расчету. Если им не нравится наше общество, они уходят. Если остаются, то потому, что хотят побыть с нами. Это тоже причина, почему многие из нас так их любят.

Не все любят кошек. В недавние времена их демонизировали, считая «загрязнителями природы... напо-

добие ДДТ»²⁵, разносчиками таких болезней, как бешенство, паразитический токсоплазмоз, и патогенов, вызывающих чуму. Помет птиц представляет гораздо большую угрозу для здоровья людей, но кошек чаще всего обвиняют в том, что они убивают слишком много птиц. Их винят в том, что они нарушают природный баланс. Но неприязнь к кошкам трудно объяснить с точки зрения рисков, которые они могут создавать для окружающей среды.

С распространением болезней можно бороться при помощи специальных программ, которые широко применяются в США: уличных кошек ловят, привозят в клиники для вакцинации и кастрации, а потом выпускают обратно. Риск для птиц может быть уменьшен при помощи колокольчиков и других приспособлений, надетых на кошку. Странно выделять один нечеловеческий вид в качестве разрушителя экологического многообразия, когда главным виновником этого является само человеческое животное. Кошки с их превосходными навыками охоты могли изменить экосистему в некоторых частях мира. Но движущая сила общепланетарного вымирания видов, которое сейчас происходит, — люди.

Враждебное отношение к кошкам — не новость. Во Франции в эпоху раннего модерна оно стало источником народного культа. Кошек издавна связывали с дьяволом и с оккультным началом. Религиозные празднества часто заканчивались сжиганием кошки на костре или сбрасыванием ее с крыши. Иногда для демонстрации человеческой изобретательности кошек вешали над костром и жаривали живьем. В Париже бытовал обычай сжигать корзину, бочку или мешок с живыми кошками, подвесив их на высокую мачту. Кошек замуровывали

25. См.: Peter P. Marra and Chris Santella, *Cat Wars: The Devastating Consequences of a Cuddly Killer* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016), p. 19.

живьем под досками пола, когда строили дом: считалось, что такая практика приносит удачу его обитателям²⁶.

В новогодний праздник 1638 года в соборе Эли кошку зажарили живьем на вертеле в присутствии ликующей толпы. Несколько лет спустя парламентские войска, воевавшие с роялистами во время Гражданской войны в Англии, использовали гончих, чтобы гонять кошек по Личфилдскому собору. В период правления Карла II на процессиях, на которых сжигалась фигура папы, чучела набивали живыми кошками: их вопли добавляли драматический эффект. На деревенских ярмарках популярным развлечением было стрелять по кошкам, подвешенным в корзинах²⁷.

В некоторых французских городах любители помучить кошек устраивали еще более оживленное шоу: поджигали их и гоняли по улице. Среди прочих развлечений был обычай передавать кошку по кругу, чтобы ощипать с нее шерсть. В Германии вопли кошек, которых мучили на подобных празднествах, назывался *Katzenmusik*. Многие карнавалы заканчивались потешным судом, после которого кошку забивали дубинками, а потом вешали — это зрелище вызывало приступы неудержимого хохота. Часто кошек калечили и убивали, считая их воплощением запретных сексуальных желаний. Начиная с апостола Павла, христиане смотрели на секс как на разрушительную или даже демоническую силу. Свобода кошек от человеческой морали могла ассоциироваться в средневековом сознании с бунтом женщин и прочих групп против религиозных запретов, касавшихся секса. На фоне такого рода теизма в кошках неизбежно должны были увидеть олицетворение зла.

26. Carl Van Vechten, *The Tiger in the House* (New York: Dover Publications, 1996), p. 75.

27. Keith Thomas, *Man and the Natural World: Changing Attitudes in England 1500–1800* (London: Allen Lane, 1983), p. 109–110.

В большей части Европы их считали пособницами колдовства и мучили и сжигали вместе с ведьмами или вместо них²⁸.

Традиция мучить кошек не прекратилась с окончанием охоты на ведьм. Живший в XIX веке невролог Паоло Мантегацца (1831–1910), профессор Института высших исследований во Флоренции, основатель Итальянского антропологического общества, а позднее прогрессивный член итальянского сената, был ярким дарвинистом, полагавшим, что человечество в результате эволюции образовало расовую иерархию, в которой на вершине стояли «арийцы», а в самом низу — «негроиды». Почтенный профессор придумал машину, которую добродушно назвал «Мучителем». Кошек «прибивали тонкими длинными гвоздями» так, чтобы любое их движение вызывало агонию; затем с них снимали шкуру, гнули и ломали им кости до тех пор, пока их не освобождала смерть. Целью опыта было изучение физиологии боли. Подобно Декарту, не пожелавшему отказаться от теистической догмы о том, что у животных нет души, признанный невролог полагал, что стремление к знаниям оправдывает пытки животных. Наука усугубила жестокость религии²⁹.

Если заглянуть поглубже, ненависть к кошкам могла быть выражением зависти. Мучение других живых созданий приносит облегчение, потому что подвергает их еще большим страданиям. Мучить кошек — особое удовольствие, потому что они так довольны собой. Ненависть к кошкам — это очень часто ненависть людей, придавленных бременем страданий, к самим себе, не-

28. Robert Darnton, *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History* (New York: Basic Books, 2009), p. 96; Роберт Дарнтон, *Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры* (Москва: Новое литературное обозрение, 2002), с. 103.

29. Van Vechten, *The Tiger in the House*, p. 74–75.

ненависть, перенаправленная на существ, которые, по их мнению, живут не так уж плохо.

Если кошки живут, следуя своей природе, то люди, наоборот, подавляют ее. Парадоксальным образом в этом и состоит их природа. Отсюда также неизбежная притягательность варварства. Для многих людей цивилизованность — состояние ограничений. Движимые страхом, снедаемые сексуальными желаниями и переполняющиеся яростью, которую они боятся выплеснуть, такие люди не могут не обозлиться на существо, живущее ради самоутверждения. Мучение животных отвлекает этих людей от ужасающего убожества их собственной жизни. Средневековые карнавалы, на которых кошек мучили и жгли, были праздниками для людей в депрессии.

Кошек презирают за их внешнее безразличие к тем, кто о них заботится. Мы даем им еду и кров, но они не считают нас своими хозяевами или господами и ничего не дают нам взамен, кроме своего общества. Если мы обращаемся с ними уважительно, они к нам привязываются, но они не будут по нам скучать, когда нас не станет. Оставшись без нашей поддержки, они вскоре снова одичают. Хотя они не выказывают особой озабоченности будущим, они, кажется, решили нас пережить. Распространившись по планете на кораблях, которые люди использовали для расширения своих владений, кошки, похоже, собираются еще долго прожить после того, как люди и плоды их трудов исчезнут без следа.

2. ПОЧЕМУ КОШКИ НЕ СТРЕМЯТСЯ ИЗО ВСЕХ СИЛ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ

КОГДА люди говорят, что их цель в жизни — быть счастливыми, это означает, что они глубоко несчастны. Рассматривая счастье как проект, они стремятся осуществить его в какой-то момент в будущем. Настоящее ускользает от них, закрадывается тревога. Люди боятся, что их поступательное движение в будущее будет нарушено какими-то событиями. Поэтому они обращаются к философии, а в наши дни — к терапии, предлагающей избавление от этого беспокойства.

Выдавая себя за лекарство, философия — сама симптом болезни, которую она якобы лечит. Другим животным не нужно отвлекать себя от условий своей жизни. Если у людей счастье — искусственное состояние, у кошек оно естественно. Если только они не оказались в непривычном для них месте, из которого не могут выбраться, кошки никогда не скучают. Скука — это страх остаться наедине с собой. Кошки счастливы быть собой, тогда как люди пытаются стать счастливыми, сбежав от себя.

Именно этим кошки больше всего отличаются от людей. Как понял основатель психоанализа Зигмунд Фрейд, этот странный род несчастья для человека — норма. Фрейд так и не объяснил это состояние или не считал, что психоанализ может от него излечить. Сегодня есть бесчисленное количество методов, обещающих избав-

ление от этой болезни. Эти разные виды терапии могут дать людям средства для того, чтобы они лучше себя чувствовали рядом с другими людьми. Но они не могут избавить от беспокойства, которое неотделимо от человеческого бытия. Поэтому так много людей любят кошек. Любителей кошек часто обвиняют в антропоморфизации — практике, приписывающей другим животным человеческие эмоции, которых те лишены. Но любители кошек любят их не за то, что узнают в них себя. Они любят кошек, потому что кошки так непохожи на них.

В отличие от собак кошки не стали наполовину людьми. Они общаются с нами и могут даже по-своему полюбить нас, но на самом глубинном уровне своего бытия они не такие, как мы. Войдя в мир человека, они дали нам возможность выглянуть за его пределы. Освободившись из ловушки наших собственных мыслей, мы можем понять благодаря им, что наша лихорадочная погоня за счастьем обречена на провал.

Когда философы говорят о счастье

В философии редко бывает так, чтобы вопрос не преследовал какой-то цели. Во времена Средневековья философия была служанкой теологии. Сегодня она заточена на практику разоблачения предрассудков академических ученых из среднего класса. В самых ранних своих формах она была нацелена на обучение невозмутимости.

Среди древних философов эпикурейцы полагали, что могут достичь счастья, умерив свои желания. Когда сегодня кого-то называют эпикурейцем, мы воображаем человека, наслаждающегося изысканной едой, вином и прочими радостями жизни. Но изначально эпикурейцы были аскетами, стремившимися свести удовольствия к минимуму. Они ели простую пищу, в основном хлеб, сыр и оливки. Они ничего не имели против секса, если занимались им в медицинских целях, чтобы преодолеть

неудовлетворенность, и к нему не примешивалась влюбленность или то, что мы сегодня называем романтической любовью, которая только тревожит покой нашего ума. По той же самой причине они презирали любые формы честолюбия или участия в политике. Они полагали, что если уединиться в правильно устроенном саду, то это гарантирует избавление от боли и тревоги и позволит достичь атараксии.

У Эпикура есть общие черты с Буддой. Оба обещают избавление от страданий через отказ от желаний. Но Будда более реалистичен, потому что признает, что это достижимо, только если вырваться из круговорота смертей и рождений — иными словами, если прекратить существование в качестве отдельного индивида. Просветленные люди могут испытать состояние блаженства еще при жизни, но от страданий они смогут освободиться только тогда, когда больше не будут перерождаться.

Если вы верите в миф о реинкарнации, у этой истории могут быть свои плюсы. Сложнее принять всерьез воззрения Эпикура. Для Эпикура и его учеников вселенная — хаос атомов, парящих в пустоте. Боги, может быть, и существуют, но к нам они безразличны. Задача человека — устранить источники страданий, которые находятся в нем самом. До этого момента все очень напоминает буддизм. Отличие в том, что Эпикур может обещать избавление только от тех страданий, которые порождаются ошибочными верованиями и чрезмерными желаниями. Смерть может быть принята с радостью, как в случае самого Эпикура, который оставался таким же радостным и продолжал учить, даже когда был смертельно болен. Но неясно, что Эпикур мог бы сказать тем, кто постоянно страдает от голода и каторжного труда, преследований или нищеты.

Вы можете насладиться эпикурейским уходом от мира, только если живете в такое время и в таком ме-

сте, которые позволяют подобную роскошь, и если вы достаточно удачливы, чтобы ее себе позволить. Но это было не так для большинства людей, и едва ли будет так когда-либо. Там, где подобные места существовали, они давали убежище немногим, и их разрушали войны и революции. Более серьезное ограничение философии эпикурейства — та духовная бедность, на которую она обрекает. Это неврастенический взгляд на счастье. Как в палате для выздоравливающих, любой шум запрещен. Остается только тихо лежать. Но тогда жизнь останавливается, и значительная часть радости из нее уходит.

Испано-американский философ Джордж Сантаяна уловил это, обсуждая римского поэта-философа Лукреция, представившего воззрения Эпикура в своей поэме «О природе вещей»:

Представление Лукреция [...] о том, к чему стоит стремиться или что достижимо, крайне скудно: свобода от предрассудков, при таком только развитии науки, которое может обеспечить эту свободу, и не более того, дружба и немного дешевых и здоровых животных удовольствий. Ни любви, ни патриотизма, ни предприимчивости, ни религии³⁰.

Эпикурейцы стремились достичь безмятежности тем, что урезали жизненные блага до тех пор, пока (как казалось этим мудрецам) их оставалось столько, чтобы ими можно было наслаждаться при любых обстоятельствах. Стоики пришли к той же цели иным путем. Они полагали, что, научившись контролировать свои мысли, они могли бы принять все, что с ними случается. Космос управляется Логосом, или разумом. Если вы почувствовали, что событие катастрофично, то это оттого, что вы не понимаете, что оно — часть космического порядка.

30. George Santayana, *Three Philosophical Poets: Lucretius, Dante, Goethe* (New York: Doubleday, Anchor Books, 1953), p. 183.

Путь к покою лежит в отождествлении себя с этим порядком. В этом случае вы найдете самореализацию в том, что играете свою роль в устройстве вещей.

Философия стоиков нашла сторонников во многих слоях общества, от рабов до правителей. Иллюстрацию того, как она используется, можно найти в «Размышлениях» императора Марка Аврелия (121–180 до н. э.). «Размышления» — духовный дневник, в котором он заставляет себя принять свое место в мире и выполнять свой долг, — проникнуты страхом перед жизнью. Марк Аврелий побуждает себя задуматься:

Как быстро все исчезает: самые тела в мире, память о них в вечности! Каково все воспринимаемое чувствами, в особенности то, что манит нас наслаждением, или отпугивает страданием, или прославляется тщеславием? Как это все ничтожно, презренно, низменно, бренно и мертво! Вот на что следует направлять способность мышления. Что представляют собой те, убеждения и голоса которых рождают славу? Что такое смерть? Если взять ее самое по себе и отвлечься от всего, что вымышлено по ее поводу, то тотчас же убедишься, что она не что иное, как действие природы³¹.

Это не утверждение жизни, это сделанное безразличие к ней. Составляя в уме рациональную схему вещей, необходимой частью которой он является, Марк Аврелий стремился примириться с несчастьем и смертью. Император-философ полагал, что, если бы он смог найти рациональный порядок внутри самого себя, это спасло бы его от тревоги и отчаяния. Потому что рациональна не только вселенная, рациональны сами добро и зло. В этом выдуманном единстве Марк Аврелий надеялся обрести покой.

31. Marcus Aurelius, *Meditations*, translated by A. S. L. Farquharson (Oxford: Oxford University Press, 2008), p. 13; Марк Аврелий, *Размышления* (Санкт-Петербург, 1993), с. 11.

С точки зрения Марка Аврелия, разум требует волевого подавления воли. Результатом становится горестное прославление выдержки и смирения. Император-философ мечтает стать чем-то вроде неподвижной статуи в безмолвном римском мавзолее. Но жизнь пробуждает его ото сна, и ему приходится заново ткать полотно философии, чтобы облачиться в него.

Русский поэт и эссеист Иосиф Бродский писал:

Для древних философия не являлась побочным продуктом жизни, но ровно наоборот, и стоицизм был особенно требователен. Возможно, мы должны здесь обойтись без слова «философия» вообще, ибо стоицизм, особенно римский его вариант, не следует характеризовать как любовь к знанию. Это был скорее длящийся всю жизнь эксперимент на выносливость...³²

Мрачно выполняя свои обязанности императора — роль в жизни, которая, как он хотел верить, отведена ему космосом, — Марк Аврелий находит удовлетворение в созерцании собственной тоски.

Стоики принимали тот факт, что даже наимудрейший мудрец не в состоянии бестрепетно переносить тяжелые жизненные страдания. В этих случаях самоубийство позволительно. Марк Аврелий отговаривал от самоубийства, если на человека возложено выполнение каких-то важных общественных обязанностей, но в то же время допускал, что тот может захотеть покончить с жизнью, если рациональное существование в силу разных обстоятельств стало для него невозможно.

Философ-стоик, государственный деятель и драматург Сенека пошел еще дальше. Он считал, что само-

32. Joseph Brodsky, «Homage to Marcus Aurelius», in Joseph Brodsky, *On Grief and Reason: Essays* (London: Penguin Books, 2011), p. 245; Иосиф Бродский, «Дань Марку Аврелию», в: Иосиф Бродский, *Сочинения Иосифа Бродского*, т. VI (Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2003), с. 234.

убийство вполне разумно, если человеку просто надоело жить. Давая совет юному ученику, он задал вопрос:

Есть ли ради чего ждать? Все наслаждения, которые тебя удерживают и не пускают, ты уже перепробовал, ни одно для тебя ни ново, ни одно не приелось и не стало мерзко. Вкус вина и меда тебе знаком, и нет разницы, сто или тысяча кувшинов пройдет через твой мочевого пузырь [...] Жизнь — как пьеса: не то важно, длинна ли она, а то, хорошо ли сыграна. К делу не относится, тут ты ее оборвешь или там. Где хочешь, там и оборви, только бы развязка была хороша! Будь здоров³³.

Сенека покончил с собой, пусть и не по своей воле. Когда его обвинили в участии в заговоре против императора Нерона, тот приказал ему совершить самоубийство. По словам римского историка Тацита, Сенека подчинился приказу и вскрыл себе вены. Но кровь вытекала медленно, поэтому он принял яд. Это тоже не подействовало, и тогда солдаты положили его в горячую ванну, в которой он в итоге задохнулся.

Как способ жизни атараксия — это иллюзия. Эпикурейцы стремились упростить свою жизнь, чтобы свести к минимуму удовольствия, которых они могут лишиться. Но они не могли найти для себя спокойный сад, который был бы надежно защищен от бурь истории. Мудрец-стойк утверждает, что, хотя нам не подвластны события, которые с нами происходят, нам подвластны мысли о них. Но это так лишь в очень узком зазоре. Лихорадка, муха цеце или травматический опыт могут привести разум в смятение в важный момент или даже навсегда. Ученики Пиррона пытались установить внутреннее равновесие, приостанавливая суждение. Но скептическое сомне-

33. Seneca, *Epistles 66–92*, translated by Richard M. Gummere (Cambridge, MA, and London: Harvard University Press, 2006), pp. 177, 179, 181; Сенека, *Нравственные письма к Луциллию* (Москва: Наука, 1977), с. 152–153 (Письмо LXXVII).

ние не может избавить от беспокойства, появляющегося вместе с самим бытием человека.

Даже если атараксии можно достичь, это было бы очень тусклое существование. К счастью, мертвенный покой — не то состояние, в котором люди могут оставаться долго.

Паскаль о развлечениях

Все эти философы разделяли одно чувство. Они воображали, что жизнь можно упорядочить посредством человеческого разума. Либо разум может придумать такой образ жизни, который будет защищен от любых утрат, либо он сможет управлять эмоциями, стойко перенося любую утрату. Но на самом деле так невозможно контролировать ни то, как мы живем, ни эмоции, которые испытываем. Наша жизнь определяется случаем, а эмоции — телом. Большая часть жизни человека — и большая часть философии — это попытка отвлечься от этого факта.

Развлечение было центральной темой в творчестве ученого, изобретателя, математика и религиозного мыслителя XVII века Блеза Паскаля, который писал:

Развлечение.

Коль скоро люди не могут победить смерть, нищету, невежество, то, чтобы стать счастливыми, они решили об этом не думать³⁴.

Паскаль объясняет:

Когда я стал думать о разнообразных треволнениях, подстерегающих людей, о трудах и опасностях, которым они подвергаются при Дворе, на войне, где родится столько сты-

34. Blaise Pascal, *Pensées*, translated with an introduction by A.J. Krailsheimer (London: Penguin Books, 1966), p. 66; Блез Паскаль, *Мысли* (Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1995), с. 112.

чек, страстей, отчаянных и зачастую неудачных начинаний, и т. д., — я говорил нередко, что все человеческие несчастья имеют один корень: неумение спокойно оставаться у себя в комнате. Если бы человек достаточно состоятельный умел жить в свое удовольствие у себя в доме, он не двинулся бы с места ради морского путешествия или осады крепости [...].

Но когда я взглянул на дело пристальнее и, обнаружив корень всех наших несчастий, пожелал доискаться до их первопричины, то нашел одну очень важную — сам наш от природы горестный удел; мы слабы, смертны и так несчастны, что для нас нет утешения ни в чем, если мы задумаемся о нашем уделе всерьез. [...]

Итак, единственное благо людей состоит в развлечении от мыслей о своем уделе; это может быть какое-нибудь занятие, сбивающее мысли на другой путь, или какая-нибудь новая приятная страсть, их заполняющая, или игра, охота, увлекательное зрелище — одним словом, все, что зовется развлечением³⁵.

Люди отвлекаются при помощи своего воображения:

Воображение.

Эта главенствующая способность человека, эта госпожа обмана и заблуждения [...] Я говорю не о глупцах, я говорю о самых разумных; это среди них воображение имеет полную свободу убеждать. Напрасно вопиет разум, не он определяет цену вещам.

Эта надменная сила, враждебная разуму, которая тщится своей властью над ним, чтобы показать, как она могущественна, создала вторую человеческую природу. У нее свои счастливы и неудачники, свои здоровяки, хворые, богачи, нищие. Она заставляет верить, сомневаться, отвергать разум. Она приглушает чувства и обостряет их. У нее свои безумцы и свои мудрецы. [...]

Воображение всем владеет; оно создает красоту, праведность и счастье, к чему стремится мир³⁶.

35. Pascal, *Pensées*, p. 67–68; Паскаль, *Мысли*, с. 112–113.

36. Там же, с. 87–88.

Монтень также писал о развлечении. Но если Паскаль отвергает его как препятствие на пути к спасению, Монтень приветствует как естественное лекарство от страданий:

Однажды в дни молодости мне пришлось пережить сильное, чрезмерное для моей души огорчение, и оно было не только сильным, но — что важнее всего — и глубоко обоснованным; положись я тогда попросту на свои силы, я бы, пожалуй, не выдержал. Нуждаясь, чтобы рассеяться, в каком-нибудь способном захватить меня отвлечении, я заставил себя, призывая на помощь рассудок и волю, влюбиться, чему немало помог мой возраст. Любовь облегчила меня и развеяла скорбь, причиненную дружбой. И повсюду мы наблюдаем все то же: меня одолевает какое-нибудь неприятное представление; я нахожу, что заменить его новым много проще, чем его побороть. [...] Если не могу одолеть засевшее во мне неприятное представление, я стараюсь улизнуть от него и, убегая, петляю из стороны в сторону, пускаюсь на всевозможные хитрости; переезжая с места на место, меня занятия, общество, я спасаюсь в сумятице иных развлечений и мыслей, и так несносное представление теряет мой след, и я окончательно ухожу от него.

Корни этого — во вложенном в нас самою природой благодетельном непостоянстве [...] ³⁷

Горе Монтеня было вызвано смертью его любимого друга, французского судьи и политического мыслителя Этьена Ла Боэси (1530–1563), о котором он написал знаменитое эссе³⁸. Последовавшую за этим меланхолию он преодолел «естественным путем».

Отношение к развлечению у людей и кошек диаметрально противоположное. Кошки, у которых отсут-

37. Pascal, *Pensées*, pp. 39, 41; Монтень, *Опыты*, с. 48–49.

38. Michel de Montaigne, «On diversion», in Michel de Montaigne, *The Complete Essays*, translated by M. A. Screech (London: Penguin Books, 2003), p. 941; Монтень, *Опыты*, с. 337–352.

ствует образ самих себя, не нуждаются в том, чтобы отвлекаться от того факта, что однажды они перестанут существовать. Как следствие, они живут, не страшась того, что время идет слишком быстро или слишком медленно. Когда кошки не охотятся и не спариваются, не едят и не играют, они спят. Они не испытывают никакой внутренней тревоги, которая принуждала бы их к постоянному действию. Кошки могут видеть сны. Но едва ли им снится, что они находятся в каком-то ином мире, и, когда они не спят, они полностью бодрствуют. В какой-то момент кошки могут почувствовать, что скоро умрут, но они не проводят жизнь в постоянном страхе перед наступлением этого момента.

Монтень и Паскаль соглашаются с тем, что философия не может отвлечь человеческое животное от его бед. Они различаются своими взглядами на то, что означают эти беды. Если Монтень думает, что животные в некоторых вещах превосходят человека, то Паскаль видит в человеческих несчастьях знак того, что люди стоят выше всех остальных животных. «Величие человека в том, что он сознает себя несчастным; дерево себя несчастным не осознает. [...] Это несчастья владетельной особы. Несчастья свергнутого короля».³⁹ Если Монтень обращается к природе, то Паскаль обращается к Богу.

За свою короткую жизнь Паскаль добился поразительных интеллектуальных успехов. До своей смерти в 1662 году в возрасте 39 лет, он построил одну из первых счетных машин (поэтому в его честь в XX веке был назван один из языков программирования) и добился серьезных успехов в теории вероятности. Он также спроектировал первую систему общественного городского транспорта с конками, которая некоторое время проработала в Париже, и ранний вариант колеса рулетки. Он справедливо признан одним из основателей со-

39. Pascal, *Pensées*, p. 59; Паскаль, *Мысли*, с. 105–106.

временной науки. Но больше всего Паскаля волновала религия.

23 ноября 1654 года на Паскаля снизошло мистическое откровение, непосредственное переживание Бога, до тех пор остававшегося от него скрытым. Оно стало поворотным событием в его жизни. Паскаль записал свои переживания на обрывке бумаги, а затем на куске пергамента, который носил с собой всю оставшуюся жизнь. Текст на пергаменте, найденном после его смерти в подкладке одежды, можно прочесть в виде одного из фрагментов «Мыслей»⁴⁰.

Последние годы жизни Паскаля были мучительны. Он увлекся янсенизмом — течением в католицизме, осужденном папой. Когда Паскаль, всю жизнь страдавший хроническим недугом, смертельно заболел, некомпетентные врачи подвергали его бессмысленным и болезненным процедурам, и ему почти до самой кончины отказывали в утешении причастием. 19 августа 1662 года после продолжительной агонии он умер. Его последними словами были «Да не оставит меня Бог».

Многие из своих «Мыслей» Паскаль посвятил полемике со скептицизмом Монтеня. Он стремился показать, что хроническая тревога, от которой страдают люди, — знак того, что они не принадлежат к миру природы. Люди ошибаются, оглядываясь на животных: «Опасно слишком настойчиво убеждать человека, что он не отличается от животных, не доказывая одновременно его величия. Опасно и доказывать его величие, не вспоминая о его низости»⁴¹. Еще хуже, когда люди поклоняются животным как богам. «Человек низок настолько, что покоряется животным, поклоняется им»⁴².

40. Pascal, *Pensées*, p. 309–310; Паскаль, *Мысли*, с. 327

41. Pascal, *Pensées*, p. 60; Паскаль, *Мысли*, с. 107.

42. Pascal, *Pensées*, p. 44; Паскаль, *Мысли*, с. 91.

С точки зрения Паскаля, беспокойство человека ведет за пределы мира. С точки зрения Монтеня, его источник — изъян в устройстве человеческого животного. Здесь я поддерживаю Монтеня. Люди — мятущиеся существа, чья жизнь в основном проходит в активных перемещениях. Печали, которые их объединяют с другими животными, умножаются за счет мыслей, постоянно обращенных на себя. Рефлексивное самосознание — вот что порождает особое чувство несчастья в человеческом животном.

Как и Монтеня, Паскаля сместила идея, что разум в состоянии предложить лекарство от человеческого удела. Однако он считал, что разум может помочь привести человека к вере. Знаменитое пари Паскаля предлагает обоснование того, почему мы должны сделать ставку на существование Бога. Так или иначе, но мы все равно делаем ставки: если мы выиграем, мы получим бесконечное счастье; если Бога нет, мы потеряем лишь конечную смертную жизнь, столь краткую, что она почти ничего не значит⁴³.

Этому аргументу чего-то недостает. Паскаль принимает как само собой разумеющееся, что мы уже знаем, на какого именно бога ставить. Но люди поклонялись множеству богов, каждый из которых требовал подчинения и повиновения. Если мы поставим на такого, который не существует, другой бог может нас проклясть. Кроме того, действительно ли наши короткие жизни совсем ничего не стоят? Если они все, что у нас есть, они тем более могут быть ценны для нас.

Не следует принимать призыв Паскаля слишком серьезно. Он полагал, что разум указывает на веру, но он также знал, что разум не может заставить оставаться верующим. Основа любой устойчивой веры — ритуал. Вместо того чтобы раздумывать о религии, люди должны ходить

43. Pascal, *Pensées*, p. 149–155; Паскаль, *Мысли*, с. 185–188.

в церковь, собор или синагогу и становиться там на колени, поклоняться и молиться вместе с другими людьми. Люди больше похожи на машины, чем им кажется:

Не следует заблуждаться на свой счет, мы представляем собой столько же автомат, сколько дух. Поэтому орудие убеждения для нас — не одни лишь доказательства. [...] Доказательства убеждают только разум, обычай их делает весомей и достоверней. Он склоняет автомат, а тот направляет разум без вмешательства мысли. Кто доказал, что завтра будет день и что мы умрем, и чему люди верят больше, чем этому? Убедил нас в том обычай. Это он создает христиан. [...] Нужно занять веру более удобную — то, что зовется привычкой⁴⁴.

Вера — привычка тела. Если хотите верить, поступайте так, как будто уже верите. Ум вскоре последует за вами. Практика может сделать вашу веру твердой.

Беда в том, что паскалевский анализ тоже оправдывает развлечение. Он пишет: «Вечное безмолвие этих бесконечных пространств меня пугает»⁴⁵. Но поддаться мирским соблазнам — увлекаться спортом или удариться в новое любовное приключение — это, возможно, не менее эффективный способ отогнать экзистенциальный страх, чем религиозная практика. Для этой цели годится любое занятие.

В чем Паскаль прав, так это в том, что развлечение — чисто человеческая черта. Одни считали, что нас отличает от животных способность изготавливать орудия труда. Другие — что передача знаний или использование языка. Но ни одна из этих черт не принадлежит исключительно человеку. Бобры строят для себя дома, вороны используют орудия, чтобы ухватить пищу, обезьяны создают культуры, использующие знания, полученные

44. Pascal, *Pensées*, p. 274; Паскаль, *Мысли*, с. 97.

45. Pascal, *Pensées*, p. 95; Паскаль, *Мысли*, с. 137.

от прошлых поколений. Вой волков или песни китов — звуки их разговоров друг с другом. Однако потребность в развлечении — чисто человеческая особенность.

Развлечение — реакция на определяющее свойство человеческого животного: страх смерти, который появляется вместе с самосознанием. Как и некоторые другие животные, слоны могут распознать смерть, когда она случается с кем-нибудь из их сородичей. Но только люди знают, что наступит день, когда они умрут. Само наше представление о себе, проходящих сквозь время, появляется с осознанием того, что мы рано или поздно умрем. Значительную часть нашей жизни мы занимаемся тем, что убегаем от собственной тени.

Отрицание смерти и разделение человеческой души идут рука об руку. В страхе перед всем, что хоть как-то напоминает об их смертности, люди вытесняют большую часть своего опыта в область бессознательного. Жизнь становится борьбой за то, чтобы оставаться в темноте. Не нуждаясь в подобной темноте внутри себя, кошки, с другой стороны, — ночные создания, живущие при свете дня.

Ходж и грехопадение

Кошки не планируют свою жизнь, они проживают ее, как придется. Люди не могут удержаться от того, чтобы не сделать из своей жизни историю. Но поскольку они не знают, как закончится их жизнь, она разрушает историю, которую они пытаются себе рассказывать. Поэтому в итоге они живут как кошки — как придется.

Люди отличаются от других животных тем, что заботятся о своем далеком будущем. Благодаря сельскому хозяйству и промышленности они меньше зависят от смены времен года и изменчивой погоды. В результате они живут теперь гораздо дольше, чем раньше. Но их образ жизни все равно остается ненадежным.

Многие, по-видимому, уверены в том, что современная цивилизация, развившаяся за последние несколько столетий, сохранится, даже несмотря на то, что изменение климата и глобальная пандемия создают иной, более опасный мир. Несомненно, человечество как-то адаптируется к этому. Но характер этой адаптации неясен. Приобретут ли ныне существующие общества новые формы? Или же институты прошлого — например, феодализм или рабство — возродятся и будут поддерживаться при помощи новых технологий? Никто не может сказать наверняка. Будущее человеческой жизни на Земле так же неведомо, как и то, что будет после нашей смерти (если вообще что-нибудь будет).

Некоторые мыслители представляли, что общество можно перестроить так, чтобы люди могли достичь счастья, на которое, как полагают эти мыслители, они имеют полное право. Одним из тех, кто усомнился в этом взгляде, был Сэмюэл Джонсон (1709–1784), английский романист, биограф, лексикограф и мастер беседы.

Сын книготорговца, Джонсон вступил в мир болезненным ребенком, который, как считалось, долго не проживет. Уже в детстве у него проявились лицевые и телесные тики, отчего некоторые биографы предполагают, что он страдал синдромом Туретта. Часто оказываясь в долгах и почти всегда испытывая нужду в деньгах, Джонсон посещал Пемброк-колледж в Оксфорде, он мало чему там научился и бросил учебу, не окончив его. В 1735 году Джонсон женился на вдове своего близкого друга Генри Портера, богатого бирмингемского торговца. Элизабет «Тетти» Портер была на двадцать с лишним лет старше Джонсона, их отношения, осуждаемые ее семьей, стали сюрпризом для друзей Джонсона. Но брак — «по любви», по словам самого Джонсона, — по-видимому, оказался счастливым и продолжался до самой смерти Тетти в 1752 году. Она дала Джонсону деньги на устройство школы, но затея про-

валилась, и всю оставшуюся жизнь он зарабатывал своими сочинениями. Он всегда говорил о ней с благодарностью и любовью.

Подобно Монтеню, Джонсон был преданным любителем кошек. Он покупал для Ходжа, своего черного кота, устрицы, а также валерьянку, чтобы облегчить ему страдания, когда кот болел. Как и Монтень, Джонсон страдал приступами меланхолии, только у него они были более частыми и тяжелыми.

Джонсон высмеивал идею о том, что счастья можно достичь, если думать о лучшем пути в жизни. Как он писал своему другу и биографу Джеймсу Босуэлу:

Жизнь коротка, и нельзя проводить большую ее часть в пустых размышлениях о том, как ее следует прожить; те, кто начинает эти размышления из осмотрительности и продолжает с хитростью, после долгих усилий мысли завершают их по воле случая. Предпочтение одного образа жизни другому, на верных основаниях, требует способностей, которыми наш Создатель не пожелал нас наградить⁴⁶.

Свой взгляд Джонсон объяснил в «Истории Расселаса, принца Абиссинии» (1759). Книга, первоначально называвшаяся «Выбор жизни», представляет собой притчу, в которой сын короля Абиссинии (современная Эфиопия) покидает Долину счастья, где он жил, и отправляется в путешествие по другим странам.

До той поры Расселас не ведал, что в мире есть зло. Окруженный покоем и красотой, он жил как в раю. Он начал скучать и томиться — и захотел узнать отчего. Но никто из людей, которых он встречал, не был счастливым, и мудрецы, с которыми он познакомился, не могли сказать ему, как стать счастливым. Должен ли он продолжить свои поиски? Его друг, поэт Имлак, сопровождав-

46. James Boswell, *Life of Johnson*, edited by R. W. Chapman (Oxford: Oxford University Press, 1980), p. 368.

ший его в этом путешествии, объяснил ему, почему искать счастье — значит гоняться за иллюзией:

Причины добра и зла, — ответил Имлак, — столь разнообразны и неясны, зачастую столь тесно переплетены друг с другом, столь рассеяны по различным отношениям и подвержены действию случая, который нельзя предвидеть, что тот, кто утверждает свою жизнь на неоспоримых основаниях предпочтения, должен жить и умереть, задаваясь вопросами и принимая решения...

Лишь немногие, — сказал поэт, — живут так, как сами выбрали. Каждый человек попадает в свое нынешнее состояние в силу причин, действующих вопреки предусмотрительности, с которыми он не всегда сообразуется по своей воле...⁴⁷

Повесть заканчивается тем, что Расселас прекращает свои поиски и возвращается в Долину счастья.

Убежденность Джонсона в том, что мысль не может облегчить несчастье, отражала его собственный жизненный опыт. Всю свою жизнь он беспокоился о своем здоровье. Он подхватил золотуху, инфекцию лимфы, часто вызываемую туберкулезом и приводящую к опуханию желез. Он частично лишился зрения. В автобиографической записке, написанной им, когда ему было пятьдесят, он называет себя «бедным больным ребенком, почти слепым». Близорукость была серьезной проблемой для тех, кто зарабатывал на жизнь своим пером. Почти десять лет он проработал над словарем английского языка, который также является важным памятником литературы. Его экономка миссис Трейл рассказывала, что, поскольку он читал по ночам при свече, «все передние завитки его париков были обожжены свечами почти до самой основы».

47. Samuel Johnson, *The History of Rasselas, Prince of Abissinia*, edited by Thomas Keymer (Oxford: Oxford University Press, 2009), p. 42.

Хотя Джонсон был ревностным христианином, вера не приносила ему покоя. Постоянно склонный к депрессии, он часто боялся лишиться рассудка. Он держал под рукой цепь и замок, которые миссис Трейл по его просьбе должна была на него надеть, когда подступит безумие. Некоторые предполагают, что у него были мазохистские наклонности, но, вероятнее всего, он боялся позора и возможного заточения в случае, если помутнение его рассудка станет достоянием гласности. Один его знакомый, поэт Кристофер Сمارт, был на семь лет заточен в сумасшедший дом, где его единственным товарищем был кот Джоффри. Он посвятил ему знаменитое стихотворение, прославлявшее этого члена «племени Тигра»⁴⁸.

Джонсон, возможно, боялся сумасшедшего дома не меньше, чем безумия. Но верно и то, что он жил в почти постоянном страхе душевного расстройства, который старался сдерживать при помощи обсессивно-компульсивных ритуалов. Гуляя по улицам Лондона, он дотрагивался тростью до каждого столба; если пропускал хоть один, ему приходилось возвращаться и начинать прогулку сначала. Когда он сидел, он раскачивался взад-вперед, иногда насвистывая. Вечно бормочущий про себя, он являл собой скопище тиков и дерганий. Независимо от того, страдал он синдромом Туретта или нет, он в любом случае был глубоко неуравновешенным человеком.

Однако беспокойство Джонсона лишь повторяло в преувеличенном виде беспокойство, присущее всем людям. Многое в жизни — череда тиков. Карьеры и любовные романы, путешествия и меняющиеся философии — это тики ума, которые не могут пройти просто

48. Christopher Smart, «For I will consider my Cat Jeoffry». Often anthologized and available in *The Sophisticated Cat*, edited by Joyce Carol Oates and Daniel Halpern (London: Pan Books, 1994), p. 61–64.

так. Как сказал Паскаль, люди не умеют спокойно сидеть в своей комнате. Джонсон знал, что он не может спокойно сидеть нигде, но не мог излечить себя от своего беспокойства. Им, как и другими людьми, управляло воображение.

В главе 44 «Расселаса» Джонсон разбирает опасную силу воображения и приходит к заключению, что ее нельзя преодолеть усилием воли:

Возможно, если говорить со строгой точностью, ни один человек не находится в своем уме. Нет такого человека, у которого воображение порой не подчиняло бы себе разум, который мог бы силой воли управлять своим вниманием и чьи идеи приходили и уходили бы по его желанию. Нельзя найти человека, чьим рассудком не овладевают порой пустые идеи, заставляющие его надеяться или бояться сверх разумной вероятности. Любая фантазия, подчиняющая себе разум, — род безумия...⁴⁹

Для Джонсона лучшим отвлечением от неуправляемого воображения была компания. Он завязывал дружбу с отбросами Лондона с такой же легкостью, как и с высшими литературными кругами. Беседовал с королем Георгом II, но был всегда готов заговорить с бездомными нищими, которых приводил к себе домой. Не мысль, а погружение в общество людей позволяло ему сбежать от себя.

Есть ли какое-то другое животное, которому было бы плохо в собственном обществе? Уж точно не кошка. Кошки большую часть жизни проводят в довольном одиночестве. Но они могут привязаться к своим людям-компаньонам и помочь им унять тревогу, от которой те не могут избавиться сами. Джонсон ценил эту способность своего кота и описывал его как «замечательного кота, очень даже замечательного». Ходж давал

49. Johnson, *The History of Rasselas*, p. 93.

ему что-то, что не могло дать общество людей: проблеск жизни до грехопадения.

Долина счастья из «Расселаса», версия Эдемского сада XVIII века, — место, в которое нельзя вернуться. Да, принц решает снова туда приехать. Но последняя глава повести называется «Завершение, в котором ничего не завершается», и ясно, что ни принц, ни Долина счастья не будут прежними — такими, какими они были до его отъезда.

В раю можно находиться только тогда, когда не знаешь, что значит быть в раю. Но стоит только узнать — и рая больше нет. Никакие потуги мысли не могут туда вернуть, ибо мысль — осознание себя как смертного существа — и есть грехопадение. В Эдемском саду пара прародителей защищена незнанием самих себя. Как только они себя осознают, то сразу понимают, что наги. Саморефлексия — дар змея, который невозможно вернуть.

Для мастера пера XVIII века рай был состоянием ума, в котором его не мучили мысли. Но Джонсон знал, что самомучение присуще ему от рождения. «Бедный больной ребенок» никогда не познает здоровья: все, что он может сделать, — это сбежать от себя. Поэтому он пытался забыться в обществе. Блистающий остроумием заядлый любитель разговоров, о котором пишет Босуэлл, был человеком, бегущим от своих мыслей. Однако Джонсон нуждался в чем-то большем, чем отвлечение, в чем-то, что мог дать только его кот. Когда он услышал о том, что «молодой джентльмен из хорошей семьи» сошел с ума и начал палить по кошкам, он пробормотал: «Но в Ходжа же не будут стрелять, нет, Ходжа не застрелят». Ходж давал Джонсону передышку от мыслей и человеческого бытия.

3. КОШАЧЬЯ ЭТИКА

Мораль, особая практика

КОШКИ часто описываются как аморальные существа. Они не чтят десять заповедей, у них нет идеалов. Они не выказывают никаких признаков чувства вины или угрызений совести, как и знаков того, что они стремятся стать лучше, чем они есть. Они не лезут из кожи вон, чтобы изменить мир, и не ломают голову над тем, как поступить правильно. Если бы они были в состоянии понять идею о том, что они должны жить по какому-то внеположному образцу, она вызвала бы у них смех.

Многие люди утверждают, что ставят мораль выше всего остального. Им кажется, что ничто не отличает их от животных больше, чем понимание добра и зла. Хорошая жизнь — не просто жизнь, которую стоит жить, это обязательно еще и *моральная* жизнь. Если жизнь не удовлетворяет нормам морали, ценность ее невелика — или же у нее нет никакой ценности. Мораль имеет дело с особым видом ценности, несравненно более высоким, чем любой другой. Удовольствие может быть ценностью, как и красота или сама жизнь, но, если эти блага достигаются без соблюдения морали, они теряют всякую ценность или даже становятся злом. Это верно для любого человека, потому что законы морали универсальны и категоричны. Каждый в первую очередь должен быть нравственным человеком, а уж потом кем бы то ни было еще.

Те, кто так думает, убеждены, что знают, что дикту-

ет мораль. Когда речь идет о добре и зле, не может быть фундаментальных разногласий. В конце концов быть нравственным человеком — это высшее благо. Как люди могут не соглашаться друг с другом по такому важному предмету? В действительности есть множество не согласующихся и диаметрально противоположных видов морали. Для некоторых сегодня в центре морали стоит справедливость. Но справедливость не бывает настолько неизменной, и она не настолько важна для них, как им кажется. Как заметил Паскаль: «Справедливость так же зависит от моды, как и красота»⁵⁰.

В морали много привлекательного. Что может быть соблазнительнее представления о вечной справедливости? Однако воззрения на мораль меняются так же быстро, как мода на обувь. Требования морали изменяются от поколения к поколению и могут не раз перемениться даже в течение жизни одного человека. Не так давно мораль требовала нести повсюду цивилизацию, расширяя имперскую власть. Сегодня мораль осуждает империализм во всех его формах. Между этими положениями существует непримиримое противоречие. Но тем, кто их высказывает, они доставляют одинаковое удовольствие — приятное чувство собственной добродетельности.

Когда люди говорят о морали, они не знают, о чем говорят. И в то же самое время они непоколебимо уверены в своих словах. Это может показаться парадоксальным. Но в этом нет ничего странного, потому что они занимаются не чем иным, как выражением своих эмоций. Помимо любых фактов, на которые они могут сослаться в доказательство своих тезисов, в их ценностных суждениях нет ничего истинного или ложного. Поэтому не может быть согласия в отношении морали. Если ценностные суждения выражают только эмоции, то в них нет ничего, с чем нужно соглашаться (или не соглашаться).

50. Pascal, *Pensées*, p. 47; Паскаль, *Мысли*, с. 94.

Некоторые философы полагают, что вера в то, что человеческие ценности эмотивны и субъективны, — побочный продукт современного индивидуализма⁵¹. Но постольку-поскольку эту идею можно встретить уже у древнегреческих скептиков, это сомнительное объяснение. Скорее всего, субъективный взгляд на этику — следствие выхолащивания религии. С точки зрения всеобщих законов или заповедей мораль — осколок монотеизма. Если у этих заповедей нет автора, какой у них может быть авторитет? В религии автором был Бог. Позднее, с началом эпохи Просвещения, им стало «человечество». Но человечество не может быть автором чего бы то ни было, потому не существует такой вещи, как универсальный человеческий агент. Существуют только самые разные человеческие животные с множеством самых разных моралей.

Всякого, кто вырос с представлением о том, что есть одна-единственная универсальная мораль, все это обескураживает. Поэтому он продолжает думать и говорить так, словно мораль ясна и понятна каждому, тогда как она в высшей степени непроницаема для тех, кто ее практикует⁵².

*Спиноза о том, как жить в гармонии
со своей природой*

К счастью, есть и другие способы понимания хорошей жизни. В Древней Греции и Китае существовали этические традиции, не ссылавшиеся на то, что сегодня на-

51. См.: Alasdair MacIntyre, *After Virtue: A Study in Moral Theory*, 3rd edn (London: Bloomsbury Academic, 2007), p. 23–35; Аласдер Макинтайр, *После добродетели: Исследования теории морали* (Москва: Академический Проект, 2000), с. 35–52.
52. См.: Bernard Williams, *Ethics and the Limits of Philosophy* (London: Routledge, 2011), Chapter 10, «Morality, the Peculiar Institution», pp. 193–218.

зывается моралью. Для древних греков хорошей была жизнь, прожитая в соответствии с *δίκη* — вашей природой и местом в устройстве бытия. Для китайцев — жизнь в соответствии с *дао*, путем вселенной в том виде, в каком он проявляется в вашей природе. Между этими древними видами этики существует много различий. Но для нас сегодня важно их сходство.

Эти взгляды на мир не говорят о «морали», потому что ни один из них не предполагает, что есть единственный вид жизни, предписанный Богом всем людям. И точно так же они не считают, что в основе хорошей жизни лежит забота о других. Хорошая жизнь означает жизнь для себя в соответствии с той природой, которая вам дана. Безусловно, хорошая жизнь требует добродетелей — черт характера и умений, позволяющих выживать и процветать, — но эти добродетели касаются не только того, чему нас учили применительно к морали. Они также включают в себя эстетику, гигиену и целое искусство жить, и они относятся не только к людям. В таком понимании этику — от греческого *ἠθικός*, что означает «характер» или «происходящее от привычки», — можно найти и у животных.

О том, что животные обладают добродетелями, говорил еще Аристотель применительно к дельфинам. В разных местах своей «Истории животных» он замечает, что они вскармливают молоком свое потомство, общаются друг с другом и сотрудничают, когда охотятся на рыбу⁵³. Свои замечания он основывал на непосредственных наблюдениях за дельфинами во время плаваний с рыбаками по Эгейскому морю. Аристотель полагал, что все в мире имеет свой *τέλος* или цель, которая заключается в том, чтобы осуществить свою природу. Хорошая жизнь — та, в которой эта цель достигнута. Когда дельфины объединялись, чтобы загнать

53. Аристотель, *История животных* (Москва: РГГУ, 1996).

рыбу, они проявляли черту, необходимую для достижения этой цели — или, говоря иными словами, добродетель. Дельфины ведут хорошую жизнь на особый, дельфиний манер⁵⁴.

В древнекитайской мысли есть похожая идея. Даосизм в лице Лао-цзы и Чжуан-цзы основывается на идеях *дао* и *дэ*: пути или природы вещей и способности жить в соответствии с ним. Хотя *дэ* переводится как «добродетель», это понятие отсылает не только к «моральной» способности, но шире — к внутренней силе, необходимой, чтобы жить в соответствии с путем вещей. Следовать ей — значит поступать, как должно, и это относится не только к людям. Все живые создания процветают лишь при условии, что они подчиняются своей природе⁵⁵.

Этика в изложении Аристотеля антропоцентрична и иерархична. Хотя Аристотель допускает существование добродетелей у других животных, он настаивает на том, что хорошая жизнь полнее всего реализуется у людей. Ум человека больше всего напоминает божественный ум — божественный интеллект или *воус*, конечную причину или «неподвижный двигатель» вселенной, — а все существующее стремится быть подобным Богу. Отсюда, по Аристотелю, следует, что человеческое животное — *тэлос*, предназначение или цель, вселенной.

Эта идея хорошо согласуется с христианством и сохранялась в популярных теориях эволюции. Однако теория Дарвина ей полностью противоречит: у естественного отбора нет цели, а люди как биологический вид возникли случайно. Люди не «лучше» бесчисленного множества вымерших видов. Тем не менее Дарвина

54. О хорошей жизни у дельфинов см.: Alasdair MacIntyre, *Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues* (London: Duckworth, 1999), p. 23–26.

55. См.: A. C. Graham, *Disputers of the Tao: Philosophical Argument in Ancient China* (La Salle, IL: Open Court, 1989), p. 13–14, 191–192.

было непросто отстаивать этот взгляд⁵⁶. Сегодня многие из его последователей придерживаются мнения, что люди ценнее других животных, но это имеет смысл, только если вы верите в космическую иерархию ценностей.

В то же время с точки зрения даосизма человеческие существа не являются чем-то особенным. Как и любые другие создания, они — соломенные собаки, церемониальные предметы, которые тщательно подготавливаются для совершения ритуала, а затем сжигаются. Как это сформулировал Лао-цзы: «Небо и Земля лишены человечности, для них все вещи — что соломенные собаки»⁵⁷. У вселенной нет любимчиков, и человек — не ее цель. Будучи бесцельным процессом бесконечных изменений, вселенная не имеет цели.

В основных западных традициях люди стоят выше любых других животных, потому что способны к осознанному мышлению. Для Аристотеля лучшая жизнь — интеллектуальное созерцание космоса, тогда как для христиан — любовь к Богу. В обоих случаях осознанность — неотъемлемая часть хорошей жизни. Для даосов же эгоистическое самосознание людей — главное препятствие к хорошей жизни.

Согласно Аристотелю, лучшими были такие люди, как он сам, — мужчины, рабовладельцы и греки, — посвятившие себя интеллектуальным исканиям. Помимо того, что этот взгляд оправдывал местные предрассудки его эпохи (это почти универсальная практика среди философов), он также имел и более радикальный изъясн. Он предполагал, что лучшая жизнь — одна и та же для всех, по крайней мере в принципе. Да, большинство

56. Неспособность Дарвина последовательно придерживаться теории об отсутствии целей у естественного отбора я обсуждаю в книге: John Gray, *Seven Types of Atheism* (London: Penguin Books, 2019), p. 54–55.

57. См. мою книгу: John Gray, *Straw Dogs: Thoughts on Humans and Other Animals* (London: Granta Books, 2002).

не могло ее достичь, но это только показывает их неполноценность в сравнении с теми, кто мог. Идея, что люди способны достигать процветания разными способами, которые не могут быть выстроены на единой шкале ценностей, Аристотелю в голову не приходила. Как и идея того, что другие животные тоже могут жить хорошей жизнью, только такой, на какую не способны люди.

И снова даосизм выступает здесь разительным контрастом. Человеческие жизни не расставляются по местам в зависимости от ценности, а хорошая жизнь у других животных не означает, что они становятся похожи на людей. Каждое индивидуальное животное, каждое существо имеет свою собственную форму хорошей жизни.

В западной мысли больше всего к этому приближается идея конатуса — стремления живых существ поддерживать и усиливать свою деятельность в мире. Нейробиолог Антонио Дамасио, обнаруживший, что Спиноза (1632–1677) предвосхитил последние научные открытия, касающиеся единства разума и тела, для прояснения этой идеи цитирует теорему Спинозы из «Этики» (1677):

Это цитата из Теоремы 18 в части IV «Этики», которая звучит так: «...основание добродетели (*virtutis*) составляет само стремление (*conatum*) сохранять собственное существование и что счастье состоит в том, что человек может сохранять его». Здесь требуется комментарий к терминам, используемым Спинозой. Во-первых, слово *conatum* может быть передано как попытка, тенденция или усилие, и Спиноза мог иметь в виду любое из этих значений или все три сразу. Во-вторых, слово *virtutis* может отсылать не только к традиционному моральному значению, но также к власти и способности действовать... Вот что прекрасно в этой любимой всеми цитате, если взглянуть на нее из сегодняшнего дня: она содержит в себе основание для системы этического поведения, и основание это — нейробиологическое⁵⁸.

58. Antonio Damasio, *Looking for Spinoza* (London: Vintage Books, 2004),

Двусмысленности, на которые указывает Дамасио, неслучайны. Они свидетельствуют о том, что Спиноза стремился выразить подрывную философию в традиционных категориях.

У двусмысленности Спинозы может быть несколько причин. Как и Монтень, он происходил из еврейской семьи, бежавшей на Иберийский полуостров, спасаясь от преследования и принудительного обращения в христианство под давлением инквизиции. Спиноза был отважнее Монтеня, и в 1656 году его изгнали из главной синагоги Амстердама за то, что он высказывал перед своими единоверцами некоторые из идей, которые позднее войдут в изданную посмертно «Этику»: члены его общины сочли их еретическими. После отлучения ему предложили должность в академии, от которой он отказался, решив, что это будет мешать ему свободно высказываться и свободно мыслить. Он зарабатывал скромным ремеслом изготовления линз, которое, возможно, раньше времени свело его в могилу.

Критики Спинозы справедливо считали его взгляды еретическими. Для него Бог не был силой, сотворившей мир. Бог — бесконечная субстанция, *Deus sive Natura*, Бог или Природа, вечная и самоподдерживающаяся. Человеческие ценности не могут быть выведены путем умозаключения из Бога, сотворившего мир, потому что Бог и есть мир. Спиноза мог пользоваться двусмысленным языком, чтобы сделать свою философию более удобоваримой для тех, кто отлучил его от церкви. Но вполне возможно, что он недооценивал то, до какой степени его философия подрывала традиционные ценности. Временами кажется, что он сам испугался того, что было самым смелым и оригинальным в его мысли.

р. 170–171. Показательное обсуждение единства разума и тела см. также в: Antonio Damasio, *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain* (New York, Pantheon Books, 2010).

Британский философ Стюарт Хэмпшир, многие годы занимавшийся философией Спинозы, объяснил идею конатуса следующим образом:

Как и любая другая вещь, идентифицируемая в естественном порядке в качестве отдельной, человек в своей характерной деятельности стремится сохранить себя и свою природу отдельного индивида и усилить свою власть и деятельность в своей среде. Это стремление (*conatus*), или внутренняя сила самосохранения, собственно и делает любого индивида индивидом...

Естественная тенденция человека или конатус не в том, чтобы сделаться хорошим или идеальным образцом своего вида, реализовав в своей деятельности некую общую идею человека, а в том, чтобы сохранить себя, конкретного индивида, как активное существо, которое, насколько это возможно, независимо в своей деятельности. Он достигает добродетели и преуспевает в том, чего желает, тогда и только тогда, когда он относительно свободен и сам определяет свою деятельность⁵⁹.

Согласно Спинозе, «благо» — это то, что благоприятствует этим стремлениям, «зло» — то, что им препятствует. Ценности не являются объективными свойствами вещей, но в то же время они и не субъективны. Добродетель индивида — то, что продлевает и расширяет его деятельность в мире. Однако подавляющее большинство людей не понимают себя или свое место в мире. Как следствие, они часто живут неправильно.

При таком рассмотрении блага и зла, пишет Хэмпшир, «Спиноза представляет изучение этики в господствовавших в то время христианской и иудаистской традициях как одну огромную ошибку, погоню за вред-

59. Stuart Hampshire, «Spinoza and the Idea of Freedom», in *Spinoza: A Collection of Critical Essays*, edited by Marjorie Grene (Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday, 1973), p. 303–304.

ной иллюзией»⁶⁰. Иллюзия эта отчасти питается верой в свободу воли. Традиционные теории морали полагают, что перед нами открываются различные варианты действий, из которых мы можем выбирать. Но в изложении Спинозы (как и в некоторых современных нейроториях) то, что мы считаем своим выбором, — результат действия комплекса причин, заложенных в нашем организме⁶¹. Наши мысли и решения нельзя отделить от нашего тела, которое функционирует независимо от того, что мы считаем нашим сознательным разумом и волей. Опыт принятия решения о том или ином варианте действий — побочный продукт борьбы наших желаний друг с другом. Свобода воли — это чувство того, что вы не знаете, что собираетесь делать. В реальности у нас нет другого выбора, кроме как поддерживать и расширять нашу собственную власть, хотя, поскольку человеческий разум затуманен фантазиями, это может оказаться невозможным.

Спиноза полагал, что все во вселенной устроено так, как должно быть. Ничто не происходит случайно или контингентно. Поэтому он отвергал идею свободы воли. Но вам необязательно соглашаться с метафизическим мировоззрением Спинозы, чтобы понять, сколь мощным был вызов, который он бросил традиционной идее морали. Как и необязательно соглашаться с тем, что все, что существует, стремится сохранить свое существование. Все, чего требует этика Спинозы, — это мысль о том, что живые существа утверждают себя как особые организмы, каковыми они и являются.

Этот взгляд существенно отличается как от классического взгляда, представленного Аристотелем, согласно которому все стремится стать совершенным представи-

60. Hampshire, «Spinoza and the Idea of Freedom», p. 312.

61. См.: Daniel M. Wegner, *The Illusion of Conscious Will* (London: MIT Press, 2002).

телем своего типа, так и от монотеистического взгляда, согласно которому люди достигают хорошей жизни, приблизившись к совершенству божественного бытия. Как только вы отказались от этих традиционных представлений, вы уже не соблазнитесь идеей, что люди — уникальные существа, потому что способны сами выбирать свое благо. Вы будете думать, что люди похожи на других существ тем, что преследуют то благо, которого требует их природа.

Людьми движет самосохранение. Но поскольку разум их находится в смятении, они часто предаются саморазрушению. Излечить от этого может мышление второго порядка:

Основное влечение к самосохранению, частично определяющее мои аппетиты, строго соответствует универсальной и неизменной особенности индивидуальных физических вещей. Мои рациональные размышления имеют в качестве объекта мои желания первого порядка, а мыслительная деятельность воплощается в соответствующей мозговой деятельности. По ходу рефлексии, формируя идеи об идеях, я оцениваю желание или другие мысли позитивно или негативно, либо утверждаю их, либо отрицаю, или же подвешиваю суждение о них. Рефлексия — деятельность разума, его самоутверждение вопреки стимулам, поступающим от вещей извне⁶².

В реальности ни один человек не может достичь свободы ума, которую Спиноза считал достижимой для немногих. Его идея о том, что рефлексивное мышление может избавить ум от фантазий, и сама является фантазией. Спиноза писал, что за его «необходимые истины» нужно держаться так, «словно они — плот в бурном море»⁶³.

62. Stuart Hampshire, *Spinoza and Spinozism* (Oxford: Clarendon Press, 2005), p. 13.

63. Hampshire, *Spinoza and Spinozism*, p. 13.

Но его аксиомы были фикцией, а метафизический спасательный плот — дырявой конструкцией.

Даже отказавшись от традиционного понятия морали, Спиноза продолжил традицию рационализма, в которой жизнь считается тем лучше, чем она осознаннее. Разделенный ум может обрести единство, отождествившись с разумом, воплощенным в космосе. Но если космический разум — плод человеческого воображения, рефлексивное мышление — осмысление ваших собственных мыслительных процессов — только усугубит внутреннее разделение.

Недостаток рационализма лежит в его вере в то, что люди могут жить по теории. Но теория — слово, происходящее от греческого θεωρεῖν, что означает «смотреть на» — не может заменить практическое знание жизни. Платон повел западную философию по неверному пути, представив познание блага в категориях зрительного опыта. Мы можем смотреть на что-то, не прикасаясь. Но не так обстоит дело с хорошей жизнью. Мы познаем ее, только когда ее проживаем. Если мы слишком много о ней думаем и превращаем в теорию, она может исчезнуть. Что бы ни говорил Сократ, может оказаться, что исследованную жизнь не стоит называть жизнью.

Спиноза вслед за Платоном верил в то, что чем более осознанной становится жизнь, тем больше она приближается к совершенству. Но если ценность жизни является ценностью для того, кто ее проживает, любая подобная иерархия ценностей лишена смысла. Жить хорошо не означает как можно лучше осознавать свою жизнь. Жить лучшей жизнью для любого живого существа означает быть собой.

Здесь есть расхождение с романтическим взглядом, согласно которому каждый из нас якобы развивает в себе уникальную индивидуальность. С точки зрения романтиков, люди строят свои жизни, подобно художникам, творящим произведения, а ценность любого про-

изведения искусства определяется тем, насколько оно оригинально. В данном случае романтики опирались на библейскую идею творения из ничего, которой мы не найдем в древнегреческой мысли. Романтизм — один из множества современных суррогатов христианства.

Спинозистско-даосистская этика носит совершенно иной характер. Люди ничем не отличаются от других животных. Хорошая жизнь не определяется их чувствами. Это их чувства определяются тем, насколько хорошо они реализовали свою природу.

Сегодня многим людям подобный образ жизни может показаться крайне депрессивным. Современная культура отвергает идею природы по той же причине, что и идею Бога. Обе они ставят предел человеческой воле. Современный гуманизм следует за романтиками, идеализировавшими природный мир, но при этом считавшими, что он все равно уступает лучшему из того, что могут создать люди. Для этих постхристиан поневоле быть свободным — значит восставать против природы, включая свою собственную. Для Спинозы и даосизма такой бунт всегда сам себя подрывает. Люди подобны другим существам в том, что стремятся поддерживать и расширять свою власть в мире. Всеми ими управляет их конатус, самоутверждение любого живого существа.

У Спинозы и в даосизме власть означает способность быть тем, кто вы есть. Медлительный ленивец, проводящий свои дни в дремоте, утверждает свою власть не меньше, чем тигр, убивающий добычу. В этом смысле осуществление власти не подразумевает господства над другими. Но если суть этики в утверждении вашей индивидуальной природы, вы можете выйти за рамки морали, утверждающейся монотеистами и гуманистами.

Как пример Спиноза рассматривает сострадание в качестве порока. «Сострадание в человеке, живущем по руководству разума, — пишет он в „Этике“, — само по себе дурно и бесполезно». Сострадание — род боли,

продолжает он, а боль — это зло. Мы можем постараться облегчить положение того, кому сочувствуем, но только если того требует разум. Спиноза заключает:

Отсюда следует, что человек, живущий по руководству разума, стремится, насколько возможно, не подвергаться состраданию.

Тот, кто обладает правильным знанием того, что все вытекает из необходимости божественной природы и совершается по вечным законам и правилам природы, тот, конечно, не найдет ничего, что было бы достойно ненависти, осмеяния или презрения, и не будет никому сострадать; но, насколько позволяет человеческая добродетель, будет стремиться, как говорят, поступать хорошо и получать удовольствие. К этому должно прибавить, что тот, кто легко подвергается аффекту сострадания и трогается чужим несчастьем или слезами, часто делает то, в чем после сам раскаивается, — как вследствие того, что мы, находясь под влиянием аффекта, не делаем ничего такого, что знаем наверное за хорошее, так и потому, что легко поддаемся на ложные слезы⁶⁴.

Этика Спинозы отличается от традиционной морали тем, что в ней нет правил или законов, которые были бы спущены сверху неким человеческим или божественным авторитетом. Она также иначе смотрит на пороки и добродетели. Сострадание — порок, потому что он порождает печаль и истощает жизненные силы. Даосистская этика тоже расходится с моралью. Наряду с путем мудреца она также признает путь тирана и путь убийцы, путь воина и путь преступника, а также путь множества людей, чей удел — борьба с обстоятельствами. Одни на-

64. Benedict Spinoza, *Ethics; and Treatise on the Correction of the Intellect*, translated by Andrew Boyle, revised by, and with an introduction and notes by, G. H. R. Parkinson (London: J. M. Dent, 1993), pp. 172–173; Бенедикт Спиноза, «Этика», в: *Сочинения: в 2-х т.*, т. 2 (Санкт-Петербург: Наука, 1999), с. 428–429.

целены на самоутверждение, другие повернуты на саморазрушении. Одни дают жизнь, другие отнимают ее. Образ действий людей безжалостен, как и сам путь.

Эти идеи далеки от воли к власти, учение о которой стало столь популярно в Европе в конце XIX и начале XX века. В некоторых своих поздних работах Фридрих Ницше (1844–1900) заигрывал с идеей, что все в мире есть борьба за власть. Ницше обожал Спинозу и утверждал, что многому у него научился, но ницшеанская воля к власти — это не потенция, которую Спиноза находит в каждой отдельной вещи. Это вариант всеобщей воли к жизни его учителя Шопенгауэра, только наоборот. Разница в том, что Шопенгауэр оплакивает страдания, которые приносит воля к жизни, тогда как Ницше упивается распрей, которую она влечет.

До Ницше английский философ XVII века Томас Гоббс утверждал, что людьми движет ненасытное желание власти. «И вот на первое место я ставлю как общую склонность всего человеческого рода вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью»⁶⁵. Гоббс полагал, что это желание происходит из страха перед другими людьми, в особенности страха насильственной смерти от их руки. Для людей такая смерть — *summum malorum*, высшее зло.

Живописуя людей в их естественном состоянии — мифический конструкт, обозначающий отсутствие порядка в обществе, — Гоббс ближе подошел к реальности человека, чем хотят признать его критики. Война так же естественна, как и мир, и в истории было немало периодов, когда насилие считалось нормой. Гоббс полагал, что люди смогли избежать этого положения благодаря

65. Thomas Hobbes, *Leviathan*, edited with an introduction and notes by J. C. A. Gaskin (Oxford: Oxford University Press, 2008), p. 66; Томас Гоббс, *Левиафан* (Москва: Мысль, 2001), с. 68.

суверену, который поддерживает порядок в обществе. Но страх насильственной смерти — не самый сильный человеческий импульс. Мы живем не только для того, чтобы отсрочить смерть. Утверждение собственной природы может означать заигрывание со смертью. Люди с готовностью принимают смерть как цену за то, чтобы защитить кого-то или что-то, что они любят. Простое выживание — жалкий образ жизни, и готовность умереть не противоречит природе. Как мы увидим в главе 5, люди также готовы умирать — и убивать — ради идеи, с которой они себя отождествляют.

Взгляд Спинозы на самоубийство интригует. Поскольку все пытается сохраниться в качестве особой вещи, каковой является, никто по-настоящему не может пожелать прекратить существование. Никто не хочет оканчивать жизнь: самоубийца — это тот, кого убил мир. Как это формулирует Спиноза в «Этике»: «Никакая вещь не может быть уничтожена иначе, как внешней причиной»⁶⁶. С другой точки зрения, люди совершают самоубийство, когда их конатус обращается против себя.

Спиноза верил, что люди — если они до конца рациональны — могли бы и вовсе не думать о смерти. В знаменитом пассаже из «Этики» он пишет: «Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни». Он верил, что может доказать истинность этой теоремы:

Человек свободный, т. е. живущий единственно по предписанию разума, не руководится страхом смерти [...], но стремится к добру непосредственно [...], т. е. [...] стремится действовать, жить, сохранять свое существование на основании преследования собственной пользы. А потому он

66. Spinoza, *Ethics; and Treatise on the Correction of the Intellect*, p. 89; Спиноза, «Этика», с. 341.

ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость есть размышление о жизни; что и требовалось доказать⁶⁷.

Это Спинозистское «что и требовалось доказать» — выдумка. Мы можем вытеснить мысли о смерти, как вытесняем многие наши мысли, но они только затаятся в темном углу нашего разума. Человека, который не думает о смерти, не существует.

Самоотверженный эгоизм

Мы унаследовали убеждение, что в своей высшей форме мораль означает альтруизм, то есть самоотверженность или жизнь ради других. В этой традиции сострадание — самая суть хорошей жизни. Кошки же, если только речь не идет об их котятках, не выказывают признаков того, что они разделяют чувства других. Они могут почувствовать, что их хозяину плохо, и остаться с ним на время, пока у него неприятности. Они могут помогать больным и умирающим. Но кошки не жертвуют собой ни в одной из этих ролей. Они приносят людям облегчение их страданий тем, что находятся рядом.

Поскольку кошки — хищники, чрезмерное развитие эмпатии было бы для них дисфункционально. Поэтому у них нет этой способности. По той же причине ошибочно распространенное убеждение о том, что кошки жестоки. Жестокость — это эмпатия в негативной форме. Если вы не понимаете чувств других, вы не сможете получить удовольствие от их боли. Люди проявляли негативную эмпатию, когда во времена Средневековья мучили кошек. Наоборот, когда кошки играют с пойманной мышью, они не наслаждаются ее муками. Игры с добычей выражают их хищническую природу. Вместо

67. Spinoza, *Ethics; and Treatise on the Correction of the Intellect*, p. 183; Спиноза, «Этика», с. 440–441.

того чтобы мучить существ, оказавшихся в их власти, — чисто человеческое удовольствие, — они с ними играют.

Связь между альтруизмом и хорошей жизнью может показаться очевидной, но в этике это нечто новое. Забота о других не была отчетливо представлена среди ценностей древних греков. У Аристотеля ничего не сказано о самоотверженности; «человек великодушный», когда он не созерцал космос, проводил время в восхищении собой. Не занимает альтруизм важного места и в раннем буддизме, где цель — отбросить иллюзию «я», чтобы достичь состояния полного покоя или нирваны. Будда, по-видимому, полагал, что достичь этого освобождения способны только люди. Ранняя индийская традиция, входящая в корпус практик, ныне называемых индуизмом, полагала, что каждое существо достигает свободы, действуя в соответствии со своей природой. Здесь индуистская традиция ближе к даосизму, чем к буддизму. Для Будды освобождение означало отказ от самости, но цель все равно была в том, чтобы освободить себя. Только позднее в буддизме появилась идея, что просветленный индивид (бодхисатва) в высшем акте самопожертвования может отказаться от нирваны, чтобы снова родиться с целью освободить всех живых существ.

В христианстве хорошая жизнь не всегда означала помощь другим. Русский религиозный философ XIX века Константин Леонтьев, в конце жизни ушедший в православный монастырь и умерший монахом, видел в христианстве своего рода «трансцендентный эгоизм» — образ жизни, сосредоточенный на индивидуальном спасении⁶⁸. Христианство обычно описывается как религия любви, но любовь, о которой говорят христианские мистики, — это любовь к Богу. Люди получают любовь как дети Божьи, но если они грешат, то мо-

68. См.: Stephen Lukashevich, *Konstantin Leontev (1831–1891): A Study in Russian «Heroic Vitalism»* (New York: Pageant Press, 1967), Chapter V.

гут навлечь на себя проклятье. Христианская религия определяется всеобщей любовью не более, чем буддизм.

Сегодня некоторые философы полагают, что лучшая жизнь — та, что приносит больше всего блага. Развивая утилитаристскую философию, которую пропагандировали такие мыслители XIX века, как Иеремия Бентам, они утверждают, что лучшая жизнь максимизирует общее благополучие, которое часто определяется как удовлетворение желаний всех, на кого влияют ваши действия. Этим сторонникам «эффективного альтруизма» не приходит в голову вопрос о том, а одно ли это и то же — приносить больше всего блага и жить хорошей жизнью⁶⁹? В конце концов, то, что эти вещи сегодня уравниваются друг с другом, — это только историческая случайность. Мало бы кто так думал, если бы христианство не победило и на Западе по-прежнему царил бы тот или иной вариант греко-римской этики.

Альтруизм — современная идея. Это слово придумал французский социолог Огюст Конт (1798–1857), определяя суть религии человечества, которую он избрал и пропагандировал. В этой якобы научной религии хорошей считалась жизнь, которая служила «человечеству», а не какому-то божественному существу. Справедливости ради надо заметить, что альтруизм, который Конт рекомендовал практиковать своим ученикам, не был обращен на какого-то реально существующего человека. Его бенефициаром должна была стать просвещенная раса, которой, по его мнению, еще только предстояло родиться. Она была настолько же плодом человеческого воображения, насколько им был Бог, которого заменил Конт, и плодом еще более невероятным.

69. Я критиковал теории эффективного альтруизма в: John Gray, «How & How Not to Be Good», *New York Review of Books*, 21 May 2015, переиздано в: John Gray, „How Not to Be Good: Peter Singer on Altruism“, in *Gray's Anatomy: Selected Writings*, new edition (London: Penguin Books, 2016), p. 482–491.

Хотя сегодня она почти забыта, светская религия Конта сыграла важнейшую роль в приравнивании морали к альтруизму. За последние десятилетия вышли десятки книг, в которых утверждалось, что мораль может быть объяснена с точки зрения эволюции. Во всех них принимается как нечто само собой разумеющееся то, что моральное поведение прежде всего альтруистично, хотя эта предпосылка носит исторически и культурно ограниченный характер; христианско-гуманистическая концепция хорошей жизни как жизни ради других — только одна из множества концепций, в которых люди находили самореализацию.

Однако эта концепция так глубоко вошла в популярное и научное мышление, что цель этики стала описываться как «исправление разрушительных провалов альтруизма»⁷⁰. В биологии альтруизм — концепция, отсылающая к кооперативному поведению, главным образом в группах. Доказав, что альтруистическое поведение имеет эволюционные функции, некоторые ученые полагают, что они объяснили этическую жизнь людей. Но они объяснили всего лишь разбавленную версию христианской морали, переформулированной в псевдодарвинистских терминах современного светского интеллектуала.

Ни Спиноза, ни даосизм не думают о хорошей жизни как жизни для других. В то же время они так или иначе связывают самореализацию с отсутствием эго. Как указал Поль Винпал, американский философ и специалист по Спинозе, который также давно практикует дзенскую медитацию, это сходство между спинозизмом и дзенобуддизмом заметил еще французский философ-скептик XVII века Пьер Бейль. Винпал пишет:

Первым, насколько мне известно, сходство между Бенедиктом Спинозой и чаньским или дзенским буддизмом отметил

70. Philip Kitcher, *The Ethical Project* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011), p. 7.

в статье о Спинозе в своем словаре Пьер Бейль: он отнес спинозизм к «теологии одной китайской секты». Когда вы читаете его описание, становится ясно, что оно было сделано на основе изложения иезуитами воззрений чаньских буддистов или последователей Фой Киао (не-человека), как они их называли. В этой заметке Бейль говорит о том, что Бенедикт Спиноза не привнес ничего нового, поскольку «теология одной китайской секты» также основывалась на непонятном представлении о ничто... Для Бейля это означало, что из реальности изъято все существенное⁷¹.

Винпал далее отмечает, что центральное понятие в дзене — пустота «я». Школа дзен-буддизма образовалась в Китае на пересечении буддизма и даосизма, общей для них идеи, что человеческое «я» — иллюзия.

Еще один ученый, увидевший сходство между спинозистской и даосистской этикой, — норвежец Йон Ветлезен. В книге «Мудрец и Путь: этика свободы у Спинозы» Ветлезен пишет, что «цель даосизма в том, чтобы вы стали не тем, кем не являетесь, а тем, кто вы есть. Это не требует никаких специальных усилий со стороны временного эго, для этого скорее нужно ослабление самого эго»⁷². Он находит у Спинозы такое же различие между эго и истинной природой индивида.

Этика, в которой вы понимаете, что ваша индивидуальная природа отличается от любой идеи создания себя, «я», с которым люди себя отождествляют, создана обществом и памятью. Сформировав образ себя во младенчестве и в детстве, в своем стремлении к счастью люди сохраняют и усиливают этот образ. Но образ себя, который у них есть, не соответствует реальности их тел

71. Paul Wienpahl, *The Radical Spinoza* (New York: New York University Press, 1979), p. 89–90; см. также: Пьер Бейль, *Исторический и критический словарь*, т. II (Москва: Мысль, 1968), с. 14.

72. Jon Wetlesen, *The Sage and the Way: Spinoza's Ethics of Freedom* (Assen: Van Gorcum, 1979), p. 317.

или их жизни, и погоня за ним может привести не к самореализации, а к разочарованию.

Остальные животные не имеют подобных фантомов. У большинства из них нет образа самих себя. Самосохранение для них означает не продолжение существования воображаемого «я», а неиссякаемую витальность тела. Это не теневые «я», изучающие свои мысли и порывы так, как будто они принадлежат кому-то другому. Когда они действуют, у них, в отличие от людей, не возникает ощущения, что в них действует кто-то другой — ум или «я».

Кошки — образцовый пример отсутствия иллюзорного образа самих себя. Они не вошли в число видов, прошедших зеркальный тест, разработанный в 1970 году американским психологом Гордоном Гэллапом-младшим. По условиям теста на одну из частей тела животного наносилась какая-то физическая метка, часто цветная точка, которая видна только в зеркало. Если животное попыталось дотронуться до помеченной части тела, это означало, что оно обладает самосознанием. Люди, шимпанзе, бонобо и гориллы вместе с китообразными, такими как дельфины и косатки, а также некоторыми птицами, например сороками, успешно выдержали тест. Другие представители семейства врановых, свиньи и макаки продемонстрировали в этом тесте частичное самосознание.

Кошки реагируют на свое отражение с безразличием или так, как будто это другая кошка. Некоторые кошки якобы расстраиваются, когда люди над ними смеются, а некоторые породы — например, сиамские кошки — якобы тщеславны. Но на самом деле они, возможно, не расстроены тем, как их воспринимают, а интерпретируют реакцию людей как враждебную или опасную. Опять-таки кошки могут быть кокетливыми или агрессивными в компании других кошек, но они не шлифуют до блеска образ, который сами себе придумали. Они

проецируют образ себя другим кошкам, чтобы привлечь партнера по спариванию или защитить территорию.

Исследования показывают, что кошки могут откликаться на свои клички, но при этом, когда их зовут, могут и не реагировать⁷³. История их взаимодействия с людьми не сделала их настолько зависимыми, чтобы им непременно нужно было отвечать, когда люди зовут их по именам, под которыми они их знают. В отличие от собак, у кошек не образовалось никакого ощущения себя, сколько-нибудь похожего на человеческое. Безусловно, они отличают себя от внешнего мира. Но с этим миром в них взаимодействует не эго и не «я», а сама кошка.

Кошачья этика — что-то вроде эгоизма без «я». Кошки — эгоисты, потому что беспокоятся только о себе и о тех, кого любят. Они не имеют «я», потому что у них нет образа себя, который они хотели бы сохранить и укрепить. Кошки живут не тем, что любят себя, а тем, что являются собой, не имея «я».

Традиционные моралисты будут против самой идеи кошачьей этики. Как существо может быть моральным, если оно не понимает принципов добра и зла? Только поступки, совершаемые ради этих принципов, могут быть моральными. Действие должно иметь причину, которая может быть известна деятелю, в противном случае не может быть никакой морали.

Это знакомая песня. Но если мораль требует именно этого, люди тоже не могут считаться моральными. Да, они могут придумать тот или иной принцип и пытаться ему следовать. Но они очень слабо представляют себе, почему они действуют так, как они действуют. Почему они выбрали этот принцип, а не другой? Если два принципа или более вступают в противоречие, как они

73. Atsuko Saito, Kazutaka Shinozuka, Yuki Ito and Toshikazu Hasegawa, «Domestic cats (*Felis catus*) discriminate their names from other words», *Scientific Reports* 9 (5394), 4 April 2019.

могут выбирать между ними? Если они найдут причину действовать так, как они действуют, как они узнают, что именно она подвигла их на это действие? Люди выбирают «моральное» действие не больше, чем когда они выбирают, чихнуть им или зевнуть. Философии, в которых хорошая жизнь состоит в самостоятельно выбранной линии поведения, — ловкий фокус, цель которого — надуть самого фокусника.

Ошибочно думать, что хорошая жизнь — та, что преследует идею блага. Идея в данном случае означает некое видение, как у Платона. Едва заметив благо, мы всю нашу жизнь всеми силами стремимся к нему приблизиться. Кошки, естественно, ничем таким не занимаются. Хотя они и видят в темноте, нюх и осязание в их жизни гораздо важнее. Хорошая жизнь — та, которую они прочувствовали и унюхали, а не смутное сияние чего-то там вдали.

Хорошая жизнь не обязана воплощать какие-то идеи. Тот, кто в ответ на страдания других помогает им, демонстрирует сострадание независимо от того, понимает ли он, что делает, или нет. Эти люди могут быть по-настоящему добродетельными, если они не понимают, что великодушны. То же самое касается мужества.

Как и у людей, у кошек хорошая жизнь зависит от их добродетелей. Аристотель замечал, что, если кому-то не хватает осмотрительности, он не будет процветать, сколько бы у него ни было иных добродетелей: что бы он ни делал, все будет заканчиваться провалом. Точно так же кошка, которая всегда всего боится, не сможет жить хорошо. Где бы она ни жила, в природе или рядом с человеком, жизнь кошки опасна. Смелость такая же кошачья добродетель, как и человеческая. Без нее не могут процветать ни кошки, ни люди.

Хорошая жизнь для каждого живого существа зависит от того, что ему нужно, чтобы реализовать свою природу. Хорошая жизнь соотносится с этой природой, а не с мнением или условностями.

Как заметил Паскаль, люди необычны тем, что у них наряду с первой природой, данной от рождения, привычка формирует еще и вторую природу. Для них совершенно естественно принимать вторую природу за первую, и в результате многие люди, жившие согласно привычкам своего общества, жили плохо. У кошек же нет привычки ошибаться в своей собственной природе.

Да, мы, конечно, не знаем, каково это — быть кошкой. Как не знаем, каково это — быть другим человеком. Но мы совершенно справедливо полагаем, что тот, кто считает других бесчувственными машинами, психически болен, хотя философы, которые, как, например, Декарт, считали, что животные именно таковы, почитались в качестве мудрецов. Возможно, у кошек более ясный и живой внутренний мир, чем у нас. Чувства у них острее, а внимание не затуманено мечтами. Отсутствие образа себя может сделать их опыт более ярким.

Судя по тому, как сосредоточенно, ни на что не отвлекаясь, ведут себя кошки, отсутствие «я» у них сродни дзенскому состоянию «не-ума». Тот, кто достигает состояния «не-ума», не бездумен. «Не-ум» означает внимание, которое ничто не отвлекает,⁷⁴ — иначе говоря, внимание, поглощенное тем, что вы делаете. У людей это редко бывает спонтанно. Лучший стрелок из лука — тот, кто выпускает стрелу не думая, но добиться этого можно только после долгих лет тренировок⁷⁵. У кошек не-ум — их врожденное состояние.

Философы, отказывающие другим животным в осознанности, приписывают себе состояние ума, известное им только в виде коротких вспышек, если известно во-

74. Поучительное обсуждение внимания и отвлечения см. в: Adam Phillips, *Attention Seeking* (London: Penguin Books, 2019).

75. Eugen Herrigel, *Zen in the Art of Archery: Training the Mind and Body to Become One*, translated by R. F. C. Hull (London: Penguin Books, 2004); Евгений Херригель, *Дзен и искусство стрельбы из лука. Путь дзен* (Санкт-Петербург: Наука, 2005).

обще. Внутренняя жизнь людей фрагментарна, смутна, прерывиста и временами хаотична. Нет «я», которое было бы более или менее осознанно, есть только мешанина опыта, который более или менее когерентен. Мы проживаем нашу жизнь во фрагментированном и разорванном состоянии, появляясь и исчезая подобно призракам, тогда как кошки, у которых нет «я», всегда являются собой.

4. ЛЮБОВЬ ЧЕЛОВЕКА И ЛЮБОВЬ КОШЕК

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ любовная привязанность образует центр жизни многих людей. В большинстве случаев это любовь к другому человеку, но это также может быть любовь к нечеловеческому животному. Временами эти любви могут вступать в конфликт друг с другом. Литература и мемуары могут объяснить разницу между той и другой любовью.

Триумф Сахи

Коллизия с противопоставлением человеческой любви и любви животного — предмет повести «Кошка» (1933) Сидони-Габриэль Колетт (1873–1954). Эта французская писательница, родившаяся в семье обедневших буржуа, вынуждена была в возрасте двадцати лет выйти замуж за известного писателя, воспользовавшегося ее литературными талантами, чтобы выпустить несколько романов под своим именем. В 1906 году Колетт бросила мужа и несколько лет зарабатывала на жизнь выступлениями на сцене. В 1912 году она вышла замуж за редактора национальной газеты, но двенадцать лет спустя, отчасти из-за ее романа с шестнадцатилетним пасынком, они развелись. Она снова вышла замуж в 1925 году, и этот брак продлился до самой ее смерти. У нее также были любовные связи с женщинами, в том числе многолетние, и она питала страсть к кошкам, которых описывала как обязательный элемент своего одиночества. Она никогда

не бросала писать надолго и в 1948 году была номинирована на Нобелевскую премию по литературе. К моменту своей смерти Колетт была одной из самых уважаемых писательниц в мире.

Биограф Колетт Джудит Терман пишет о «Кошке»: «В повести, в которой кошка — главная романтическая героиня, проза Колетт становится особенно кошачьей — отстраненной и в то же время чувственной, внимательной к мельчайшим деталям удовольствий и неудовольствий плоти, которые не замечают более грубые человеческие органы чувств»⁷⁶. Героиня повести — Саха, златоглазая кошка породы шартрез (русская голубая), она живет с Аленом, мечтательным молодым человеком, который больше всего любит сидеть с ней в прекрасном саду ветшающей семейной виллы. По настоянию своей матери Ален женится на Камилле, сексуальной, раскрепощенной молодой женщине девятнадцати лет, и они «погружаются в развлечение, с которым время летит быстро, а тело легко достигает удовлетворения»⁷⁷. Но Камилла быстро надоедает Алену. Ее тело кажется уже не таким красивым, как он себе представлял, и его изматывает ее сексуальная ненасытность. Очень быстро Камилла ему наскучила. При каждом удобном случае он удаляется в сад с Сахой.

Камилла начинает ревновать, и однажды, когда Алена не было дома, выбрасывает Саху из окна их квартиры, расположенной на верхнем этаже. Падая, Саха цепляется за навес и остается целой и невредимой. Безуспешная попытка убить кошку освобождает Алена от связи, которая стала слишком его тяготить. С Сахой в корзинке он возвращается к матери. На следующий день Ка-

76. Judith Thurman, *Secrets of the Flesh: A Life of Colette* (London: Bloomsbury, 1999), p. 397.

77. Colette, «The Cat», in Colette, *Gigi and The Cat*, translated by Roger Senhouse (London: Vintage Books, 2001), p. 108.

мила является умолять его о прощении. Ален не хочет ничего слышать. Тихо и с расстановкой он говорит ей: «Маленькое безупречное создание! Голубое, как самые дивные сны! Кроткое, нежное существо, способное тихо умереть, лишившись необходимого ему... И ты держала ее над пропастью и разжала руки... Ты чудовище!.. Я не хочу жить с чудовищем!..»⁷⁸

Камилла в ужасе от того, что ею пожертвовали ради животного. Обменявшись возмущенными репликами, они расстаются, их будущее остается неопределенным. Ален в изнеможении падает в кресло. Внезапно, «чудесным образом возникнув», Саха садится на соломенный столик возле него. «Если чуткая Саха по-человечьи провожала её взглядом, то Ален, полулёжа в кресле, подбрасывал и проворно ловил согнутой по-кошачьи ладонью первые августовские каштаны, одетые зеленой колючей кожурой»⁷⁹.

Эти заключительные слова повести как на ладони представляют ее центральную тему. Любя Саху больше, чем кого-либо из людей, Ален и сам стал подобен кошке. Пусть и представленная непрямо, русская голубая — самый яркий персонаж в повести. Ревность Камиллы обнажена, на ревность Сахи только намекается. Победа кошки очевидна с самого начала.

Для любителя кошек это прекрасная сказка. Недостаток этой истории в ревности самой Сахи. Кошки могут ревновать к другим кошкам, но то, что мы ощущаем как ревность, возможно, не более чем реакция на нарушение привычек, возникающее с приходом на территорию другой кошки. Кошки редко проявляют ревность, когда в жизни человека, с которым они живут, появляется другой человек. Собаки могут требовать нераздельного внимания и самоотдачи от своих хозяев. В своих

78. Colette, «The Cat», p. 155.

79. Ibid., p. 157.

мемуарах «Моя собака Тюльпан» (1956) британский писатель, издатель и радиоведущий Дж. Р. Экерли вспоминает о сильнейшей ревности своей собаки Квини⁸⁰. (Кличка собаки в книге была изменена из тех соображений, что она могла указать на сексуальную ориентацию автора, хотя Экерли и не скрывал того, что он гей.)⁸¹ Книга Экерли — один из величайших рассказов о любви человека и животного, но его бы не было, если бы Квини была кошкой.

Любой, кто жил с кошками, знает, что им может нравиться быть с нами рядом. Когда они ложатся на спину и просят, чтобы их почесали, они демонстрируют самую уязвимую часть тела человеку, к которому чувствуют доверие и привязанность. Им нравится наше общество и нравится играть с нами. Но у них нет той исключительной привязанности, которую описывает Экерли в случае с Квини. У кошек часто бывает по несколько домов, каждый из которых они выбирают сами, приходя туда за едой и вниманием. Если хозяин собаки на время уедет, она будет очень расстроена. Кошка, кажется, может почти не заметить, когда уйдет из жизни ее самый близкий человек. Кошки могут полюбить человека, но это не означает, что они в нем нуждаются или чувствуют по отношению к нему какие-либо обязательства.

Самая большая добыча Мина

Американская писательница, автор романов и рассказов Патрисия Хайсмит (1921–1995) придумала аморального убийцу Тома Рипли, главного героя пяти ее книг и нескольких фильмов, снятых по их мотивам. Она также пи-

80. J. R. Ackerley, *My Dog Tulip* (New York: New York Review of Books, 2011).

81. В британском английском слово «queen» с XVIII века используется для обозначений гомосексуальных мужчин. — *Прим. пер.*

сала рассказы, где животные, с которыми плохо обращались, мстят людям. Биограф Хайсмит Эндрю Уилсон пишет об этих рассказах так: «Делая животных субъектами, высказывая их мысли, Хайсмит нарушает западную философскую традицию, превозносящую рационализм человека»⁸². В одном из рассказов фигурирует таракан, чувствующий, что он имеет точно такое же право называть себя постояльцем отеля, в котором живет, как и останавливающиеся в нем люди.

Кое-кто утверждал, что Хайсмит списала Рипли со своих кошек, и говорят, что она назвала одного кота Рипли в честь своего антигероя-психопата. Но только люди могут быть психопатами⁸³. Кошки порой кажутся бесстрастными, но лишь из-за того, что они показывают свои эмоции не на морде, а ушами и хвостом. Они также выражают свои чувства мурлыканьем. Обычно мурлыканье — признак того, что они счастливы, — но не всегда: иногда оно может сигнализировать о том, что им плохо. Как бы то ни было, в нем нет никакого обмана.

Хайсмит испытывала глубокую симпатию к нечеловеческим существам. Однажды, идя по Сохо, она наткнулась на раненого голубя, лежавшего в сточной канаве; ее компаньонка убедила ее, что спасти его нельзя, но Хайсмит была явно расстроена. Ее ужасала жестокость разведения кур в клетках, и она говорила, что, если бы она узнала, кто отрезал хвост местной черной кошке, она бы в него выстрелила, причем «на поражение». Она обожала улиток, разводила их в своем саду в Саффолке и иногда носила сотню улиток в сумочке вместе с огромными листьями салата. Когда она переехала во Францию, она тайком провезла своих домашних улиток, спрятав

82. Andrew Wilson, *Beautiful Shadow: A Life of Patricia Highsmith* (London: Bloomsbury, 2003), p. 333.

83. Глубокие наблюдения о кошачьих привязанностях см.: Jeffrey Masson, *The Nine Emotional Lives of Cats: a Journey into the Feline Heart* (London: Vintage, 2003), 53–59.

их в бюстгальтере⁸⁴. Человек, ухаживавший за ней в старости, вспоминал, что она возвращала заползших к ней домой пауков в сад, убедившись, что они не пострадали. «Люди для нее были странными существами, она думала, что никогда их не поймет, — возможно, поэтому она так любила кошек и улиток»⁸⁵. Ее давний друг писал о ней: «Она видела в животных в целом индивидуальные личности, которые вели себя лучше и обладали большим достоинством и честностью, чем люди»⁸⁶.

Борясь со своей сексуальностью в молодости, Хайсмит прошла курс психотерапии у психиатра, пытавшегося «вылечить» ее от лесбийских наклонностей. Одно время она даже подумывала вступить в обычный брак. В дальнейшем у нее было много любовниц и несколько крепких дружб с мужчинами-геями, но так и не сложилось столь же теплых отношений, какие были у нее с животными. Она страстно любила кошек: как она писала, «они дают писателю то, что не могут дать люди: общество, которое ничего не требует и не навязывает себя, общество такое же расслабляющее и постоянно меняющееся, как спокойное, почти неподвижное море»⁸⁷.

В «Самой большой добыче Мина» Хайсмит красивый сиамский кот мстит любовнику своей хозяйки. Мин предпочитал тихую жизнь:

Мин больше всего любил лежать на солнце вместе с хозяйкой в платяном шезлонге дома на террасе. Чего Мин не любил, так это людей, которых она иногда приглашала в их дом, людей, остававшихся на ночь, множество людей, пивших и евших, сидевших допоздна, игравших на рояле или крутивших пластинки... Людей, которые наступали ему на лапы, иногда хватали его сзади, так что от неожиданности он не мог ничего сделать и поэтому ему приходилось

84. Wilson, *Beautiful Shadow*, p. 331, 332, 267.

85. *Ibid.*, p. 331.

86. *Ibid.*, p. 331.

87. *Ibid.*, p. 331.

извиваться, чтобы высвободиться из их рук, — людей, которые грубо его гладили, которые закрывали дверь, заперев его внутри. Люди! Мин ненавидел людей. Во всем мире ему нравилась только Элейн. Элейн любила и понимала его⁸⁸.

Когда новый любовник Элейн Тедди пытается столкнуть Мина за борт во время их плавания вдоль берега в Акапулько, Мин решает ответить ударом на удар. Позднее в тот же день они возвращаются на виллу и Тедди снова пытается избавиться от Мина, на этот раз сбросив его с террасы. Мин прыгает ему на плечи, и они вдвоем падают на землю. Тедди гибнет, а Мину нужно только отдышаться. Оправившись от схватки, он устраивается, поджав под себя лапы, в тени в уголке террасы, который еще не остыл от солнца:

Внизу было полно разговоров, слышался шум шагов, треск ломаемых кустов, а потом появился запах всех них, поднявшихся по лестнице, запах табака, пота и знакомый запах крови. Человеческой крови. Мин испытывал такое же приятное чувство, как когда он убивал птицу и вызывал этот запах крови своими зубами. Это была большая добыча. Мин, никем не замеченный, распрямился в полный рост, когда мимо него проносили труп, и втянул аромат своей победы маленьким носом⁸⁹.

В конце рассказа Мин и его хозяйка вместе сидят у нее в спальне. Элейн гладит Мина по голове, берет его лапку и немного нажимает на нее, чтобы выступили когти. «„Ох Мин, Мин“, — говорит она. Мин узнает в ее голосе любовную интонацию»⁹⁰.

Как и у Колетт, это приятная сказка для любителей кошек. История рассказывается с точки зрения Мина,

88. Patricia Highsmith, «Ming's Biggest Prey», in Patricia Highsmith, *The Animal-Lover's Book of Beastly Murder* (London: Penguin Books, 1979), p. 57–58.

89. Highsmith, «Ming's Biggest Prey», p. 67.

90. *Ibid.*, p. 68.

и на всем ее протяжении он остается привлекательным персонажем. Может быть, он не очень любит людей в целом, но он решает, что Тедди — враг, только после того, как тот пытается его убить, а когда Мин осуществляет свою месть, его действия могут считаться самозащитой. Труднее расшифровать отношения Мина с Элейн. Она его любит, сомнений быть не может. Остается открытым вопрос о том, отвечает ли он ей взаимностью или смотрит на нее как на существо, с которым ему приятно быть. Но даже если верно последнее, не может ли это тоже считаться любовью?

Кошачья любовь отличается от человеческой по многим причинам. Сексуальный контакт между котом и кошкой длится всего несколько минут, и после него они не живут вместе. За исключением львов, которые могут защищать своих львят, самцы из семейства кошачьих не участвуют в воспитании своего потомства. Как только котята научились от матери всем необходимым навыкам, они уходят жить своей жизнью. Но любовь среди кошек обладает качествами, которых недостает многим человеческим любовям. Кошки любят не для того, чтобы отвлечься от одиночества, скуки или отчаяния. Они любят, когда их охватывает соответствующий импульс и когда они в компании, которая им нравится.

В юности Хайсмит была горячей поклонницей Марселя Пруста — величайшего аналитика человеческой любви. Где-то до двадцати пяти лет она считала себя художником не меньше, чем писателем, и всю свою жизнь продолжала рисовать картины, рисунки и делать гравюры. После ее смерти некоторые ее рисунки были опубликованы, многие из них оказались изображениями кошек. Кроме того, среди них был рисунок под названием «Марсель Пруст изучает воду из ванны»⁹¹.

91. См.: Patricia Highsmith, *Zeichnungen* (Zurich: Diogenes, 1995).

В творчестве Пруста любовь подвергается клинически беспристрастному анализу. Исследователь Пруста Жермен Бре пишет:

Светское общество образует своего рода биологическую культуру, в которой индивиды могут испробовать все средства, при помощи которых они устанавливают контакт друг с другом... Там рождается любовь... Но больше, чем что-либо еще, там процветает потребность в «развлечении» в паскалевском смысле этого слова.

«Развлечение» для людей света — это использование других людей с одной-единственной целью удовлетворения собственных потребностей и камуфлирования собственной скуки. Именно поэтому герои Пруста что-то скрывают, притворяются и предают друг друга. Они лгут себе и другим под разными предлогами, скрывая свои истинные мотивы... Обладающее и средствами, и досугом, полностью предоставленное самому себе, светское общество испытывает одно глубоко укоренившееся желание: защититься от пустоты существования и извлечь из бесплодной и беспокойной субстанции жизни маску, которая успокаивала бы их и льстила им... Они не хотят ни понимания, ни знания, они хотят только украшений и развлечений⁹².

Как указывает Бре, анализ любви у Пруста имеет много общего с паскалевской теорией развлечения. Только Пруст в отличие от Паскаля считает, что развлечение повинуется безличным законам. Любовь — продукт механизмов, о которых влюбленные ничего не знают, а шарада влюбленности и разочарования показывает, что они находятся во власти сил, которые не могут понимать или контролировать. Тщеславие и ревность заводят их в воображаемый мир, где они могут забыть о своих стареющих телах и дороге к смерти, на которой стоят. Эротическая любовь — работа машины, и механическое

92. Germaine Brée, *Marcel Proust and Deliverance from Time* (London: Chatto and Windus, 1956), p. 99–100.

качество этой любви — ее спасительная сила. Даже самая острая ревность и самое горькое разочарование на время дают передышку от пустоты. Любовь воздвигает преграду для знания — знания других или знания себя, — которая позволяет людям на время перестать быть самими собой.

В этом прустовском анализе человеческая любовь оказывается более механической, чем спаривание животных. В любви больше, чем где бы то ни было еще, людьми руководит самообман. С другой стороны, когда кошки любят, они делают это не затем, чтобы себя одурачить. Кошки могут быть эгоистами, но они не страдают тщеславием — в любом случае не в отношении людей. От людей они хотят места, в котором они могли бы вернуться в свое нормальное состояние удовлетворенности. Если человек дает им такое место, они могут его полюбить.

Любовь к Лили

Романист Дзюнъитиро Танидзаки (1886–1965) получил известность благодаря изображению трансформации японской жизни, происходившей в ходе модернизации страны. Большая часть его творчества пронизана вопросом о том, что могло быть при этом утеряно. Среди прочего, как он полагал, было утеряно особое чувство красоты. В своем пространном эссе «Похвала тени» (1933) Танидзаки писал:

... мы считаем, что красота заключена не в самих вещах, а в комбинации вещей, плетущей узор светотени. Вне действия, производимого тенью, нет красоты: она исчезает подобно тому, как исчезает при дневном свете привлекательность драгоценного камня «ночной луч», блещущего в темноте⁹³.

93. Junichirō Tanizaki, *In Praise of Shadows*, translated by Thomas J. Harper and Edward G. Seidensticker (London: Vintage Books, 2001), p. 46;

Нет, Танидзаки не предпочитал тьму свету. Тьма — часть красоты света:

Я не хочу... сказать, что мы не любим вообще ничего блестящего, но мы действительно отдаем предпочтение тому, что имеет глубинную тень, а не поверхностную ясность. Это тоже блеск, но с налетом мути, которая неизбежно вызывает в представлении лоск времени, — безразлично, будет ли это натуральный камень или же из искусственного материала сделанный сосуд... Быть может, все это — аргументация стороны, просто не желающей сдавать своих позиций, но мы знаем, что причины ролят следствия: мы действительно любим вещи, носящие на себе следы человеческой плоти, масляной копоти, выветривания и дождевых отеков⁹⁴.

Особенность этой эстетики — ее нелюбовь к совершенству. Западная эстетика не может не думать о прекрасных вещах как о несовершенном воплощении нематериальной идеи. Мистическое видение Платона заставило западную философию представлять красоту как неземное сияние. Танидзаки же пишет о «засаленности от рук»⁹⁵. Истинную красоту можно найти в природе и в повседневной жизни.

Танидзаки интересовали разновидности любви и то, что они раскрывают в людях. Одно из самых тонких исследований этой темы можно найти в его романе «Кошка, мужчина и две женщины», впервые опубликованном в 1936 году, а позднее экранизированном. Его главная героиня — старая, но оттого не менее грациозная кошка черепахового окраса.

История начинается с письма о кошке Лили, написан-

Дзюнъитиро Танидзаки, «Похвала тени», в Дзюнъитиро Танидзаки, *Избранные произведения: в 2 т.* Т. 1 (Москва: Художественная литература, 1986), с. 510.

94. Tanizaki, *In Praise of Shadows*, p. 20; Танидзаки, «Похвала тени», с. 491–492.

95. Tanizaki, *In Praise of Shadows*, p. 20; Танидзаки, «Похвала тени», с. 492.

ного одной женщиной другой. Синако просит Фукуко, новую жену ее бывшего мужа Сёдзе, отдать ей кошку:

Я хочу от Вас только одного. Нет, не думайте, что я требую вернуть мне его. Дело совсем пустяковое, сущая мелочь: мне нужна Лили... Вы унижали меня — я все терпела. И в награду за это я всего-то и прошу — одну кошку. Неужто это чересчур дерзкая просьба? Для Вас она всего-навсего маленькая зверушка. Вам и дела до нее нет, а мне она так скрасила бы одиночество... Я не плакса, но порой бывает так тоскливо, а если бы рядом была Лилишка... Никого у меня нет, кроме кошки, ни единого человека...

Это не Вы отказываетесь отдать мне Лили, это он, я уверена. Он очень любит Лилишку. Он всегда говорил: «С тобой я, пожалуй, и разошелся бы, а вот с киской нет». И как за стол садиться, и как спать ложиться — всегда она ему была милее, чем я... Но будьте осторожны, глядите в оба, не то как бы он и Вас на кошку не променял⁹⁶.

При первом прочтении может показаться, что речь идет о трех людях, использующих кошку как орудие в конфликтах друг с другом. Кошка кажется пешкой в семейных распрях. Но Лили значит для них больше, чем они подозревают. Когда кошка возвращается к Синако, Сёдзе испытывает неодолимое чувство утраты. Он решает тайно отправиться в дом Синако, чтобы навестить Лили. Сидя в кустах позади дома жены, он замечает, что в траве что-то блестит:

... может, это кошачьи глаза? Ах, Лилишка, вот радость-то! Сердце начинало отчаянно колотиться, но в следующее мгновение надежда оказывалась напрасной. Смешно сказать: никогда в жизни он еще не ждал ни одно челове-

96. Junichirō Tanizaki, *A Cat, a Man, and Two Women*, translated by Paul McCarthy (London: Daunt Books, 2017), p. 4–5; Дзюнъитиро Танидзакки, «Кошка, Сёдзе и две женщины», в: Дзюнъитиро Танидзакки, *Избранные произведения: в 2-х т.* Т. 1 (Москва: Художественная литература, 1986), с. 254–255.

ское существо с таким волнением. Ну в самом деле? Были у него свидания с девушками из кафе; любовь? Ну, встречался с Ёсико втайне от первой жены, это было приятно, волнуяще, держало в непривычном возбуждении. [Но] не было того ощущения значительности происходящего и не было такого горячего желания увидеться⁹⁷.

Опасаясь, что жена устроит ему скандал, если он поздно вернется домой, Сёдзе уходит. Но он не отказывается от попыток увидеть Лили. На следующий день он возвращается в дом бывшей жены. Синако ушла, оставив дом на свою сестру Хацуко. Хацуко проводит Сёдзе по крутой лестнице в комнату, где отдыхает Лили. В комнате закрыты ставни и темно, но он разглядел Лили, которая сидит на груди подушек, поджав под себя передние лапы, с полузакрытыми глазами. Судя по блеску ее шерсти, за ней хорошо ухаживали, рядом лежали остатки риса и яичная скорлупа — значит, она только что поела.

Сёдзе был благодарен за то, что Лили была в целостности и сохранности. Он принялся к кошачьей подстилке, и его охватила любовная печаль. «Лили!» — воскликнул он. Кошка никак не отреагировала. Затем «кошка услышала и открыла глаза, тусклые и печальные, бросила на Сёдзо недружелюбный взгляд — и больше ничего. Никаких эмоций. Она еще глубже поджала под себя передние лапы, зябко передернула спинкой и кончиками ушей — и снова сонно зажмурилась»⁹⁸.

Сёдзе попытался ее погладить, но Лили продолжала сидеть с закрытыми глазами, мурлыкая. Синако, должно быть, очень любит эту кошку, подумал Сёдзе. Она теперь была бедна, но, даже несмотря на свою бедность,

97. Tanizaki, *A Cat, a Man, and Two Women*, p. 103–4; Танидзакэ, «Кошка, Сёдзе и две женщины», с. 303.

98. Tanizaki, *A Cat, a Man, and Two Women*, p. 120; Танидзакэ, «Кошка, Сёдзе и две женщины», с. 311.

хорошо кормила Лили; подушки у Лили были пышнее, чем у самой Синако. Потом он услышал звук шагов и понял, что Синако вернулась. Сёдзе сбежал по лестнице и выбежал на улицу, едва не столкнувшись с ней. История заканчивается словами: «Так, словно за ним гналось нечто ужасное, он со всех ног бежал в противоположном направлении».

Лили, возможно, всю свою жизнь использовалась людьми как оружие, но из них четверых она была единственной, кого любили. Сёдзе и его бывшая жена любили Лили больше, чем друг друга или, возможно, какого-либо другого человека. Взаимные козни сводили на нет любовь, которую они испытывали к кошке. Может быть, эта любовь была такой же, как любовь между людьми: убежищем от несчастья. Или, может быть, это была любовь именно к кошке, смесь нежности и восхищения. Что испытывала к людям кошка, узнать невозможно. К концу повести она постарела и хотела только спать. Она, возможно, чувствовала приближение смерти. Но Лили все еще была светлым пятном в комнате, а люди — смутными фигурами в светящейся призме ее ума.

Гаттино исчезает

Иная форма любви между человеком и кошкой описывается в изящном эссе Мэри Гейтскилл «Пропавший кот»⁹⁹. Эссе Гейтскилл отличается от других историй, пересказанных в этой главе: как и рассказ Джека Лоренса о Мео из первой главы, это воспоминания о жизни и смерти реальной кошки.

Гейтскилл родилась в 1954 году, но литературную известность принес ей сборник рассказов «Плохое пове-

99. Воспоминания Мэри Гейтскилл впервые были опубликованы в 2009 году в № 107 журнала *Granta*, а позднее были переизданы в виде сборника эссе: *Mary Gaitskill, Somebody with a Little Hammer* (New York: Vintage Books, 2018), p. 131–179.

дение», опубликованный в 1988 году. Многие годы у нее были тяжелые личные проблемы и сложное финансовое положение. Когда она была подростком, ее отчислили из школы-пансиона и родители поместили ее в психиатрическую лечебницу, из которой она сбежала. В молодости она работала продавщицей цветов, стриптизершей, продавщицей в книжном магазине, корректором в ночную смену, фэктчекером на фрилансе и на других временных работах.

Одно время она жила в дешевой квартире, сданной в субаренду, над известным нью-йоркским садомазохистским клубом, и тема многих ее рассказов — потребность человека в боли и унижении. По одному из них был снят успешный фильм «Секретарша» (2002), хотя Гейтскилл и казалось, что он «слишком милый и безобидный»¹⁰⁰. В более поздней повести «Это удовольствие» (2019)¹⁰¹ она рассказывает, как рухнула карьера редактора издательства с дендистскими замашками, которому нравилось рассуждать о потребности женщин в боли и наказании, когда его обвинили в попытке изнасилования женщины, которая у него работала.

Постоянная тема творчества Гейтскилл — противоречивость человеческой любви. Люди ищут в любви лекарство от скуки, удовольствие от того, чтобы быть объектом чьей-то привязанности или навязчивой страсти, возможность проявить власть и причинить боль себе и другим, возбуждение, которое приносит саморазрушение. Любовь человека и животного лишена этих изъяснов, и ее утрата может потрясти гораздо больше, чем конец чисто человеческой любви.

В «Пропадшем коте» Гейтскилл рассказывает, как потеряла своего кота, когда ему было всего семь меся-

100. См.: Parul Sehgal, «Mary Gaitskill and the Life Unseen», *The New York Times*, 2 November 2015.

101. Mary Gaitskill, *This is Pleasure* (London: Serpent's Tail, 2019).

цев от роду. Она подобрала его, когда приехала в Тоскану к аристократу и любителю литературы, устроившему в своем имении резиденцию для писателей. Один из троих тощих котят во дворе соседской фермы, выглядевший более больным, чем остальные, подошел к Мэри. Веки у него почти полностью слиплись из-за гноя. Мягкий камышовый котик, серый с черными полосками. «У него была длинная челюсть и большой нос в форме ластика, как на конце карандаша. Его больше-носая голова была похожа на голову гоблина на тощем теле с выступающим животом, длинные лапы были почти гротескными. Его анус казался непропорционально большим на худой заднице. Зачарованный, он дал мне погладить себя по костистой спине, робко приподняв свой жалкий хвостик»¹⁰². Потом она будет его вспоминать: «Спина изогнута, мордочка испуганная, но возбужденная, кипит энергией и готов прыгнуть и бежать, хвост пистолетом, напряженный и изогнутый... Хотя он и был слаб от голода. Он был крут, этот котенок»¹⁰³.

Он видел только одним глазом, и то наполовину, и Мэри назвала его Шансом. «Мне нравился Шанс, как нравились все котята, я нравилась ему как раздатчик еды. Он смотрел на меня нейтрально, как на еще одно существо на свете»¹⁰⁴. Некоторое время спустя Шанс начал поднимать голову, когда Мэри входила в комнату, и пристально на нее смотреть. «Я не могла точно сказать, что означал этот взгляд. Я не знаю, что чувствуют и думают животные. Но, похоже, он смотрел на меня с любовью. Он ходил за мной по квартире. Сидел у меня на коленях, когда я работала за письменным столом. Приходил ко мне в кровать и спал со мной рядом. Чтобы заснуть, он нежно грыз мои пальцы. Когда я его гладила, его тело

102. Gaitskill, «Lost Cat: A Memoir», in Mary Gaitskill, *Somebody with a Little Hammer*, p. 134.

103. Ibid., p. 131.

104. Ibid., p. 135.

изгибалось под моими прикосновениями. Если я близко к нему наклонялась, он тянулся ко мне лапой и гладил меня по щеке»¹⁰⁵.

Мужу Мэри не понравилось имя Шанс, Мэри и сама не была в нем уверена, поэтому они переименовали котенка в Макфейта. Макфейт набирался сил и начал принимать вид «одноглазого разбойника, в его ушах и наклоне шеи появилась какая-то устремленность вперед, галантная в его хрупком теле. Он потолстел, и его длинные лапы и хвост стали выглядеть ухоженными, не гротескными. На горле у него были четкие отметины, напоминавшие ожерелье; когда он ложился на спину, чтобы я его погладила, было видно, что живот у него бежевый и пятнистый, как у оцелота. Когда он был в самоуверенном настроении, он был как маленький гангстер в странном костюме». Но он оставался все таким же деликатным, и Мэри решила, что Макфейт — «слишком громкая и безжалостная кличка для такого крошечного, хлипкого создания», поэтому она переименовала его в Гаттино¹⁰⁶. Мэри сказала мужу, что хочет забрать Гаттино в Америку. Он очень удивился, как удивились бы многие люди, — она это понимала. Они бы «сочли мои чувства неврозом, проекцией на животное моей собственной потребности»¹⁰⁷.

Решив увезти Гаттино домой, Мэри спросила себя, нет ли чего-то плохого в том, чтобы любить животное больше, чем страдающих людей. Она любила людей, включая детей, которые гостили у нее по программе для малоимущих черных семей, живущих в городе, и любила своего отца, в мучениях умиравшего от рака после того, как он отказался от лечения. Но это была запутанная любовь, приносящая фрустрацию:

105. Gaitskill, «Lost Cat», p. 135–136.

106. Ibid., p. 136–137.

107. Ibid., p. 137.

В любви к людям есть огромный изъян, и даже если она его лишена, люди то и дело понимают эту любовь превратно, отвергают, используют ее или манипулируют ею. Трудно защитить человека, которого вы любите, от боли, потому что люди часто сами выбирают боль; я — тот человек, который часто выбирает боль. Животное никогда не выберет боль: животное может принимать любовь с большей легкостью, чем даже совсем юное человеческое существо. И поэтому я подумала, что можно будет защитить котенка любовью¹⁰⁸.

Иногда, прогуливаясь по имению аристократа, Мэри думала о своем отце. Во время прогулок она носила с собой большой кусок мрамора, принадлежавший ему. Не то чтобы она и вправду в это верила, но она задавалась вопросом, не возродилась ли душа ее отца в Гаттино. Однажды вечером, когда котенок лежал и урчал у нее на коленях, Мэри увидела, как маленький небесно-голубой кусок мрамора выкатился из-под комода. «Он был прекрасный, яркий, и что-то невидимое для меня привело его в движение. Это показалось магическим знаком прощения, как присутствие этого любящего котенка». Она положила этот камень на подоконник рядом с камнем своего отца¹⁰⁹.

Для получения паспорта питомца Мэри отнесла Гаттино к ветеринару, посадившему его в клетку рядом с огромной собакой, рычавшей и лаявшей на него. Поначалу Гаттино прятался за маленькой подстилкой, затем смело вышел к собаке. «Тут-то я впервые увидела это испуганное, но полное решительности выражение, эту готовность встретить все, что ждет впереди, независимо от размеров или свирепости»¹¹⁰. Когда она отправилась в долгое трансатлантическое путешествие домой, Гаттино сопровождал ее, «бестрепетно взирая из сво-

108. Gaitskill, «Lost Cat», p. 138.

109. Ibid., p. 137.

110. Ibid., p. 138.

ей переноски. Он не мяукал в машине или в самолете, даже несмотря на то, что ничего не ел с прошлой ночи. Он терпеливо устроился внутри, вытянул свои тонкие передние лапы вперед по-королевски, приподнял голову, глядя на меня спокойным, уверенным взглядом... Если бы я ему разрешила, он бродил бы по проходам, задрал хвост»¹¹¹.

В Америке Гаттино был представлен другим кошкам, жившим в доме. Он обращался с ними уважительно и тактично и поэтому хорошо вписался в их общество. Семья переехала в новый дом, в котором хозяин повсюду оставлял мусор, плита была сломана и было полно мышинных гнезд. Мэри потеряла паспорт, ее муж куда-то положил ожерелье, которое она ему дала, и не помнил куда. Кроме того, она еще потеряла голубой камень, подаренный в Италии. Но Гаттино нравился их новый дом. Он играл во дворе с другими кошками и не выказывал желания пойти на улицу — а если бы и выказал, Мэри знала, что он сумеет найти дорогу домой, потому что через дорогу было чистое поле.

Тогда-то Гаттино и пропал. Вернувшись домой через несколько часов, Мэри искала его повсюду до самой темноты. Вот тут впервые в голове у нее послышались слова: «Я боюсь». Гаттино был настроен на ее волну, она это чувствовала. Она хотела ответить: «Не волнуйся. Сиди там, где сидишь, я тебя найду». Но вместо этого подумала: «Я тоже боюсь. Я не знаю, где ты». Она боялась, что если он учует ее страх, то почувствует себя еще более потерянным, но не могла ничего с собой поделать. Она развесила объявления, разослала письма по электронной почте и предупредила охрану на кампусе близлежащего университета.

Три ночи спустя у нее в голове возникла другая мысль: «Я одинок». На пятую ночь она получила зво-

111. Gaitskill, «Lost Cat», p. 146.

нок от охранника, сказавшего, что он видел маленького, худого одноглазого кота, рывшегося в мусорном баке. Звонок поступил в два часа ночи, когда телефон был отключен. Мэри и ее семья его не слышали.

Тогда Мэри решила обратиться к ясновидящей, которую ей порекомендовал друг. Ясновидящая сказала, что Гаттино в беде и умирает. Она описала место, в котором он мог находиться, и Мэри пошла туда и искала его несколько дней и ночей. В конце одной ночи, когда она уже засыпала, у нее в голове снова возникли слова: «Я умираю», а затем «Прощай!»¹¹².

Мэри встала и приняла снотворное. Два часа спустя она проснулась вся в слезах. Она спросила себя:

Кто решает, чьи... смерти трагичны, а чьи нет? Кто решает, что считать большим, а что мелким? В чем тут дело: в числе, в физической массе или в уме? Если ты — маленькое существо или маленький человек, умирающий в одиночестве и в муках, ты можешь не помнить или не знать, что ты мал. Если боль достаточно сильна, ты можешь не помнить, кто ты или что ты, ты можешь знать только о своих страданиях, которые безмерны... Кто решает — здравый смысл? Может ли здравый смысл диктовать такие вещи?¹¹³

Со смерти Гаттино прошел год, а Мэри все продолжала его искать. Во время этих поисков она стала иначе относиться к людям. Однажды она ехала в кошачий приют, чтобы проверить, не отдали ли туда Гаттино, и услышала по радио историю о том, как американский наемник застрелил студента-медика в Ираке, когда тот вышел из машины, а затем убил его мать, выскочившую, чтобы его подхватить. Раньше она слушала такие истории с равнодушием. Теперь они разрывали ей сердце. «Это случилось из-за потери кота, его малость и отсут-

112. Gaitskill, «Lost Cat», p. 149–151.

113. Ibid., p. 151.

ствие объективных последствий сделали так, что сердце у меня стало разрываться»¹¹⁴.

Разум ее тоже разрывался. Она сходила к другой ясновидящей, которая сказала ей, что Гаттино умер — вероятно, у него отказали почки из-за того, что он съел какую-то траву, и позвонила еще одной, утверждавшей, что он умер без страданий, свернувшись калачиком, будто уснул. Мэри снова развесила объявления, и почти сразу ей люди стали звонить и сообщать, что они видели маленького одноглазого кота. Еще один охранник, «молчаливый старик», сказал ей, что видел Гаттино три месяца назад, но с тех пор больше не видел. «В последнее время я видел немного кошек, — добавил он. — Я скажу вам, кого я видел. Есть большой бобтейл, бегающий по всему кампусу днем и ночью. И много койотов»¹¹⁵.

И все-таки она чувствовала, что он еще жив. Он снился ей месяцами. Во сне она звала его во дворе, и он приходил к ней так же, как в реальности: «Бежал, задрал хвост, слегка подпрыгивая от возбуждения, чтобы в конце вскочить мне на колени»¹¹⁶.

Когда ее отец умирал, Мэри обратилась к нему. «Папа, — сказала я, — расскажи мне о своих страданиях. Расскажи, как это было у тебя». Она не думала, что он ее слышал, но почувствовала, что частично услышала ответ, когда поздно ночью искала Гаттино и вокруг не было ни души. «Мне пришло в голову, что потеря кота была для меня милосердным способом получить ответ на мой вопрос»¹¹⁷. Она понимала, что подобные мысли — магическое мышление, но не была до конца в этом убеждена. Что в жизни реально, а что выдумка, решить трудно:

114. Gaitskill, «Lost Cat», p. 154.

115. Ibid., p. 173.

116. Ibid., p. 171.

117. Ibid., p. 158.

Если бы кто-нибудь велел мне обмазаться дерьмом и кататься во дворе, если бы этот человек был специалистом по кошкам и убедил бы меня в том, что да, это *могло бы* помочь вернуть мне кота, я, вероятно, так и сделала бы. Я не считаю эту жалкую подверженность влиянию «магическим мышлением». Я не считаю, что она сильно отличается от любого другого мышления. Скорее, известный, видимый порядок вещей стал для меня неприемлемым — бессмысленным по сути, — потому что он слишком кардинально расходился с потребностями моего пришедшего в смятение ума. Мне сделались видны иные виды порядка, просачивавшиеся и соединявшиеся с порядком того, что было ранее известно. Я так и не знаю, была ли эта собранная на скорую руку реальность целиком иллюзорной, была ли она актом отчаявшейся воли или же она была бестолковой частичной интерпретацией чего-то реального, чего-то большего, чем то, что я могла увидеть¹¹⁸.

Когда Мэри уже оставила надежду найти Гаттино, она отправилась в Монтану на чтения в университете. Ее номер в отеле выходил на реку, и однажды она увидела, как собака, спущенная с цепи, прыгает в воду, «в экстазе распластав лапы». Она улыбнулась и подумала: «Гаттино». Даже если он был мертв, он жил в этом распластанном, экстатическом прыжке. «Эта идея, несомненно, была иллюзией, самообманом. Но собака им не была. Эта собака была реальной. И Гаттино тоже»¹¹⁹.

Было уже не важно, присутствует Гаттино в этом мире или нет. Важнее был факт его существования и то, что он делал. Привязанность Мэри к коту была не похожа ни на одну из ее привязанностей к людям. В ней не было смешанных эмоций тщеславия и жестокости, сожаления и угрызений совести, которые окрашивают любовь людей друг к другу. Ее воспоминания о Гаттино изменили ее отношение к отцу, к детям, которых она

118. Gaitskill, «Lost Cat», p. 162–163.

119. Ibid., p. 179.

принимала у себя дома, и к застреленному иракскому студенту. Любовь, вышедшая за пределы человеческого мира, высвободила ее любовь к людям.

У людей любовь и ненависть часто смешаны друг с другом. Мы можем глубоко любить других людей и в то же самое время обижаться на них. Любовь, которую мы испытываем к другим людям, может стать нам ненавистна и ощущаться как непосильное бремя, сковывающее нашу свободу, тогда как любовь, которую они испытывают к нам, может казаться нам фальшивой и вероломной. Если, несмотря на эти подозрения, мы все же продолжаем их любить, мы можем возненавидеть самих себя. Любовь, которую к нам, возможно, чувствуют животные и которую мы чувствуем к ним, не искажена всем этим.

Потеря Гаттино была для Мэри почти невыносимой. Но его жизнь не была печальной в том смысле, в каком печальны жизни людей. Гейтскилл пишет:

Быть человеком — значит быть неудачником, ибо все мы в итоге обречены потерять наше кропотливо выстроенное ощущение себя, нашу физическую силу, здоровье, наше драгоценное достоинство и в конце концов жизнь¹²⁰.

Жизнь и гибель Гаттино были случайны, но он не был неудачником. В своей короткой, бесстрашной и лишенной трагизма жизни он дал Мэри нечто, что люди были ей дать не в состоянии. Какое-то время она уже не подчинялась законам боли и удовольствия. Она перестала ненавидеть людей, которых любила, — или себя за то, что их любит. Крошечное, одноглазое, внешне безобидное существо разрушило и переделало ее мир. Возможно, Гаттино все-таки был волшебным созданием.

120. Mary Gaitskill, «Victims and Losers: A Love Story», in Mary Gaitskill, *Somebody with a Little Hammer*, p. 82.

5. ВРЕМЯ, СМЕРТЬ И КОШАЧЬЯ ДУША

Прощание с Мури

В КОНЦЕ своей автобиографии русский религиозный философ Николай Бердяев пишет об одном из самых глубоких переживаний своей полной событийной жизни:

Уже в самом начале освобождения Парижа произошло в нашей жизни событие, которое было мной пережито очень мучительно, более мучительно, чем можно себе представить. После мучительной болезни умер наш дорогой Мури. Страдания Мури перед смертью я пережил, как страдание всей твари. Через него я чувствовал себя соединенным со всей тварью, ждущей избавления. Было необыкновенно трогательно, как накануне смерти умирающий Мури пробрался с трудом в комнату Лидии, которая сама уже была тяжело больна, и вскочил к ней на кровать, он пришел попрощаться. Я очень редко и с трудом плачу, но, когда умер Мури, я горько плакал. И смерть его, такой очаровательной Божьей твари, была для меня переживанием смерти вообще, смерти тех, кого любишь. Я требовал для Мури вечной жизни, требовал для себя вечной жизни с Мури... Теперь нет уже читавшей Лидии... Мне противна идея безличного бессмертия, в котором исчезает все неповторимо и незаменимо индивидуальное¹²¹.

Только если вы прочли предыдущие сто страниц книги, вы поймете, что Мури — кот Бердяева. То, что писатель должен был погрузиться в тоску из-за смерти Мури, мо-

121. Николай Бердяев, *Самопознание* (Москва: АСТ, 2017), с. 192.

жет показаться странным. Но Бердяев не был обычным философом. В отличие от многих и тогда и теперь, он стал свидетелем того, как разрушился и исчез человеческий мир, казавшийся вечным.

Родившийся в Киеве в 1874 году, когда Украина еще была частью Российской империи, Бердяев рос одиноким ребенком в аристократической семье. Его свободолюбивый отец скептически относился к религии. Его мать, православная по рождению, критически относилась к официальной церкви и склонялась к католицизму. В течение всей своей жизни Бердяев сопротивлялся любым попыткам ограничения своей свободы мысли. По семейной традиции он поступил в военную академию, но вскоре оставил ее ради изучения философии в Киевском университете. Подобно многим людям того времени, он стал марксистом, и в 1898 году был арестован на демонстрации и исключен из университета. Он продолжил работать в подпольном издательстве, был арестован и выслан в Вологду. Условия в Вологде были мягкими по сравнению с теми, в которых пребывали другие бунтовщики против царизма, и несопоставимо менее суровыми, чем в лагерях, которые были организованы Лениным и Сталиным.

Вернувшись в Киев, Бердяев познакомился с поэтессой Лидией Трушевой, на которой женился и с которой провел всю оставшуюся жизнь. Пара переехала в Санкт-Петербург. Больше не испытывая интереса к марксизму, но оставаясь несогласным, он погрузился в интеллектуальную жизнь города в годы перед Первой мировой войной и Октябрьской революцией. Открыто став религиозным мыслителем, он опубликовал статью, в которой раскритиковал Священный синод Русской православной церкви за то, что он подвергал дисциплинарным наказаниям монахов, отступивших от официального учения. Его арестовали по обвинению в богохульстве и приговорили к пожизненной ссылке в Сибирь,

но к власти пришел большевистский режим, и наказание так и не было приведено в исполнение.

Бердяев вскоре поссорился с новым режимом. Ему было позволено читать лекции и писать, а в 1920 году он был назначен на должность профессора философии в Московский университет, но вскоре после этого арестован по обвинению в участии в заговоре и помещен в тюрьму. В камере его посетил глава ленинской секретной службы Феликс Дзержинский, которого очень боялись. Допрос превратился в горячую дискуссию о большевизме. В сентябре 1922 года Бердяев был выслан из Советского Союза.

Вместе с видными представителями русской интеллигенции — художниками, учеными гуманитарных и точных наук, писателями — он уплыл на так называемом «философском пароходе»: на самом деле на двух кораблях, зафрахтованных правительством большевиков для отправки потенциально опасных интеллектуалов и их семей в Германию. Остальные были отправлены кораблем из Одессы в Стамбул. Автором плана по депортации интеллигенции был, по-видимому, сам Ленин¹²².

Прибыв в Германию, Бердяев с женой отправились сначала в Берлин, затем в Париж, где и провели остаток жизни. Он был плодовитым автором и участвовал во множестве дискуссий с другими русскими эмигрантами и с французскими интеллектуалами. Он продолжал писать и во время нацистской оккупации, опубликовав книги после войны. Умер он за письменным столом в своем доме в Кларамаре, неподалеку от Парижа, в 1948 году.

Центральные вопросы, волновавшие Бердяева, касались времени, смерти и вечности. Он писал:

122. Яркий рассказ о депортации Лениным русской интеллигенции см. в: Lesley Chamberlain, *The Philosophy Steamer: Lenin and the Exile of the Intelligentsia* (London, Atlantic Books, 2006).

Я говорил уже, что никогда не мог примириться ни с чем тленным и преходящим, всегда жаждал вечного и только вечное казалось мне ценным. Я мучительно переживал расставание во времени, расстояние в пространстве. Вопрос о бессмертии и вечной жизни был для меня основным религиозным вопросом. И я никогда не понимал людей, которые осмысливают свою перспективу жизни вне решений этого вопроса. Нет ничего более жалкого, чем утешение, связанное с прогрессом человечества и блаженством грядущих поколений. Утешения мировой гармонии, которые предлагают личности, всегда вызывали во мне возмущение¹²³.

Бердяев полагал, что если смерть — это конец, то жизнь лишена смысла. Жизнь была борьбой за смысл, выходящий за рамки жизни, который мог бы искупить ее пустоту. В Бердяеве необычно то, что он включил в эту борьбу своего любимого кота.

Едва ли Мури сам присоединился бы к этим поискам. Кошки, у которых отсутствует страх перед тем, что смерть — конец жизненной истории, не нуждаются в другой жизни, в которой бы история продолжилась. Тем не менее догадка Бердяева о том, что Мури чувствовал, что покидает людей, с которыми жил, может быть вполне обоснованной. Кошки знают, когда их жизнь подходит к концу. Как выяснила Дорис Лессинг, они могут даже приветствовать этот конец.

Рассказывая о том, как вела себя ее черная кошка, тяжело заболев, Лессинг писала:

Челюсти и морда бедняжки оказались покрыты белой липкой пеной, которую было не так просто стереть. Я смыла ее. Кошка вернулась в угол и скорчилась, глядя прямо перед собой. Ее поза была зловещей: она была неподвижна, терпелива, но не спала. Она ждала... кошка решает умереть. Тогда она украдкой пробирается куда-нибудь в про-

123. Бердяев, *Самопознание*, с. 156.

хладное место, поскольку чувствует жар в крови, и, скорчившись, ждет смерти.

Когда [после ночи в ветеринарной клинике] я вернулась с черной кошкой домой, она, изможденная, прокралась в сад. Было начало осени, холодно. Бедняжка припала к холодной стене сада, скорчилась на ледяной земле и терпеливо ожидала, как предыдущей ночью.

Я внесла ее в дом, положила на одеяло, подальше от радиатора. Но она вернулась в сад и уселась там в той же позе, в той же убийственно терпеливой позе ожидания.

Я снова втащила черную кошку обратно и заперла в доме. Она пробралась к двери и уселась рядом, носом к двери, ожидая смерти¹²⁴.

Лессинг держала кошку в доме и денно и ночью ухаживала за ней все последующие недели. Кошка поправилась и спустя несколько месяцев стала прежней кошкой, которая «лоснилась и мурлыкала, сверкая чистотой». Она забыла о том, что была больна, но где-то в ее воспоминаниях осталась память о диагностическом кабинете в клинике, и она вздрогнула и застыла на несколько часов, когда ее потребовалось снова туда отвезти, чтобы вылечить ушную инфекцию.

Лессинг, кажется, чувствовала вину за то, что она сделала с кошкой, заставив ее «вернуться к жизни против ее воли». Кошка, заключает Лессинг, «вновь стала нормальным животным, с нормальными инстинктами»¹²⁵.

Цивилизация как отрицание смерти

Идея жизни после смерти родилась вместе с людьми. Примерно 115000 лет назад появились могилы, содержавшие кости животных, цветы, лечебные травы

124. Doris Lessing, *On Cats* (London: HarperCollins, 2008), p. 86–87; Дорис Лессинг, *Кошки* (Санкт-Петербург: Амфора, 2009), с. 126.

125. Lessing, *On Cats*, p. 97–98; Лессинг, *Кошки*, с. 145.

и ценные предметы, такие как рога альпийского козла. 35000–40000 лет назад по всему миру в захоронения помещался уже полный набор для выживания — еда, одежда и орудия¹²⁶. Человек — животное, которое определяется смертью.

По мере того как самосознание людей развивалось, отрицание смерти становилось все настойчивее. Американский антрополог культуры и психоаналитик Эрнст Беккер (1924–1974) считал, что бегство от смерти было движущей силой цивилизации. Страх смерти — это также источник эго, которое люди выстраивают, чтобы оградить себя от бессильного осознания того, что они движутся во времени к своему концу.

В большей степени, чем у большинства, жизнь Беккера определялась его встречами со смертью. В возрасте восемнадцати лет он пошел в армию и служил в батальоне пехоты, который освобождал немецкий лагерь смерти. Когда он умирал в больнице от рака в декабре 1973 года, он сказал пришедшему навестить его философу Сэму Кину: «Ты застал меня у последней черты. Это проверка всего, что я писал о смерти. И мне выпал шанс показать, как умирают»¹²⁷. Теория Беккера была сначала намечена в «Отрицании смерти» (1973) — книге, за которую его посмертно наградили Пулитцеровской премией в 1974 году, а далее разработана в «Бегстве от смерти» — книге, вышедшей спустя два года после его смерти.

Из всех аспектов человеческого удела, от которых люди желают во что бы то ни стало отвлечься, смерть —

126. Felipe Fernández-Armesto, *Out of Our Minds: What We Think and How We Came to Think It* (London: Oneworld Publications, 2019), p. 35–37; Фелипе Фернандес-Арместо, *За пределами разума: что мы думаем и как мы к этому пришли* (Санкт-Петербург: Питер, 2022), с. 59–62.

127. Пространная беседа Сэма Кина с Эрнстом Беккером была опубликована в: Sam Keen, «The heroics of everyday life: a theorist of death confronts his own end: a conversation with Earnest Becker», *Psychology Today*, April 1974.

самый угрожающий. Большинство не могут вынести мысли о своем несуществовании, и чем сильнее они стремятся об этом забыть, тем больше это им досажда-ет. Ритуалы позволяют людям оставить эту боль позади, потому что это практики, вовлекающие весь организм, а не только разум. Этот способ избежать тревоги Беккер называет мифо-ритуальным комплексом. Он пишет:

Мифо-ритуальный комплекс — социальная форма для канализации навязчивости... Он автоматически производит безопасность и изгоняет отчаяние тем, что заставляет людей сосредоточиться на том, что у них прямо перед носом. Победа над отчаянием не столько интеллектуальная проблема для активного организма, сколько проблема самостимулирования через движение. После определенного момента прирост «знания» больше не приносит человеку пользы, пользу приносит только жизнь и делание в модусе частично-го самозабвения... Невроз — попытка заменить частным навязчивым ритуалом согласованный обществом ритуал, который был утрачен в силу распада традиционного общества. Обычаи и мифы традиционного общества давали индивиду в готовом виде целостную интерпретацию смысла жизни; ему оставалось только согласиться проживать их так, как если бы они были правдой. Чтобы «вылечиться», современный невротик должен сделать одну-единственную вещь — с радостью принять животворную иллюзию¹²⁸.

Здесь Беккер различает традиционные общества, в которых коллективные ритуалы избавляют людей от мыслей о смерти, и современные общества, в которых от индивидов ждут, что они сами будут справляться со своей тревогой. Реальность современного общества — массовый невроз, не раз превращавшийся в настоящее безумие. Неврозы не столько симптомы болезни, сколько попытки самолечения. Тоталитарные движения совре-

128. Ernest Becker, *The Denial of Death* (London: Souvenir Press, 2011, reprinted 2018), p. 199.

менной эпохи, собственно, и есть такого рода попытки. Но люди не могут излечиться от того, какими они стали, — одиночками, — даже когда они устремляются под крыло массовых движений.

Рассудительность еще больше усугубляет современные неврозы:

Черты, которыми современный ум особенно гордится, собственно и есть черты безумия. Нет никого более логичного, более озабоченного мельчайшими нюансами причин и следствий, чем сумасшедший. Сумасшедшие — величайшие резонеры, каких мы знаем, и эта черта — один из сопутствующих признаков их гибели. Все их жизненные процессы сжались и усохли в рассудке. Чего у них нет из того, что есть у здорового человека? Способности быть беспечным, плевать на видимость, расслабляться и смеяться. Они не могут смягчиться, не могут, подобно Паскалю, поставить свою жизнь на кон ради чего-то, внезапно пришедшего в голову. Они не могут сделать то, что всегда требовала религия: поверить в оправдание своей жизни, кажущееся абсурдным¹²⁹.

Люди стремятся к власти ради того, чтобы обрести чувство, что им удалось избежать смерти, и, как считал Беккер, из того же побуждения рождается зло. Практика жестокости служит для того, чтобы справляться с любимыми мыслями о смерти:

Садизм естественным образом вбирает в себя страх смерти... Потому что когда мы активно манипулируем и ненавидим, мы поддерживаем поглощенность нашего организма внешним миром, это позволяет уменьшить напряжение от саморефлексии и страха смерти. Когда в наших руках судьба других людей, мы чувствуем себя хозяевами жизни и смерти. Пока мы продолжаем стрелять, мы больше думаем о том, что будем убивать, а не о том, что будем сами убиты.

129. Becker, *The Denial of Death*, p. 201.

Или, как однажды сказал в одном фильме мудрый гангстер, «когда киллеры перестают убивать, их самих убивают»¹³⁰.

Как указывает Беккер, многие современные идеологии были культурами бессмертия. В русском большевизме существовало влиятельное течение, для которого высшей целью революции была победа над смертью, и, когда тело Ленина забальзамировали, некоторые из тех, кто участвовал в этом процессе, собирались воскресить его, когда наука найдет для этого средства¹³¹. Проект преодоления смерти при помощи науки возродился на Западе благодаря директору по инжинирингу Google Рею Курцвейлу, ставшему важным адептом технологического бессмертия¹³².

Анализ Беккера убедителен. Но у людей противоречивое отношение к смерти, и не все религии и философии были способами отрицания смерти. Древнегреческий политеизм представляет богов так, будто им надоела собственная свобода от смерти и они завидуют людям с их короткой жизнью. Когда они вмешиваются в дела людей, они делают это от скуки и чтобы наказать людей за то, что им повезло быть смертными. Забвение, которое приносит смерть, — одна из привилегий человека.

Взгляды других религий на то, как иметь дело со смертью, полны двусмысленности. С одной стороны, буддизм — попытка избежать смерти. Если вы сойдете с колеса перерождения, вам больше не придется умирать. С другой стороны, буддизм — поиски смерти¹³³. Спа-

130. Ernest Becker, *Escape from Evil* (New York: The Free Press, 1975), p. 113–114.

131. Подробный анализ большевизма как идеологии бессмертия см. в моей книге: John Gray, *The Immortalization Commission: The Strange Quest to Cheat Death* (London: Penguin Books, 2012).

132. Gray, *The Immortalization Commission*, p. 213–216.

133. Я обсуждаю поиски смерти в буддизме в: John Gray, *Straw Dogs: Thoughts on Humans and Other Animals* (London, Granta Books, 2002), p. 129–130.

сение означает освобождение от жизненных страданий. Как только вы перестаете перерождаться, вам больше не нужно страдать. Но что, если переселения душ нет? В конце концов Будда учил, что душа — это иллюзия. Если вы не перерождаетесь, что бы вы ни делали, вы все равно будете избавлены от страданий. Ваша единственная смерть будет тотальной и окончательной.

В этом отношении у Эпикура было преимущество перед буддизмом. Если цель в том, чтобы прекратить страдания, всем живым существам обеспечено спасение, поскольку все умрут. Но Эпикур тоже был непоследователен. Если люди хотят избавления от страданий, они могут покончить с собой, как только представится случай. Как ни странно, древний мудрец не сделал этого вывода и разрешал самоубийство только в самых крайних случаях.

Люди могут из всех сил стремиться быть самоопределяющимися существами, как утверждал Спиноза в своей теории конатуса. Но эти усилия могут их утомить, и тогда они, возможно, захотят прекратить свою жизнь. Многих людей, не имевших возможностей для самоуничтожения, привлекали философии, предлагавшие перспективу исчезновения в качестве отдельных индивидов. Они могли включать в себя слияние с некой метафизической сущностью — платоновской формой блага или чем-то вроде мировой души. Либо это могли быть философии, похожие на философию Шопенгауэра, которые обещали растворение «я» в ничто.

Подавляющее большинство чувствует, что быть индивидом — тяжелое бремя. Для того чтобы облегчить эту ношу, были придуманы философии истории. Бердяев знал, что привлекательность коммунизма среди прочего была в том, что он был призван принести избавление от одиночества, а сегодня удовлетворению этой потребности служит либерализм. Если вы — отдельная душа, непохожая и отличающаяся от всех остальных,

ваша судьба и ваша история только ваши. Если же вы движетесь к некоторому универсальному человеческому единству, вы уже не одиноки. Ваша жизнь — часть большой истории, часть нарратива о коллективной самореализации людей. Даже если в качестве индивида вы умираете раз и навсегда, смысл вашей жизни сохраняется.

Но не все человеческие существа страшатся смерти, некоторые даже хотят умереть. Небольшое число людей желали бы никогда не родиться вовсе. Их конатус, подорванный миром, хотел бы самоотмениться. Они были бы рады, если бы их жизни полностью стерлись.

Томас Харди изобразил такого человека в стихотворении «Жалоба Тэсс». Стихотворение может читаться как комментарий к роману Харди «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» (1891), истории о деревенской девушке, которая изо всех сил старается утвердить себя вопреки обстоятельствам и в итоге оказывается на виселице по обвинению в убийстве любовника. Глядя на свою жизнь, Тэсс думает, что она предпочла бы, чтобы она была стерта:

Мне мысль об этом тяжела,
Так тяжела,
А жизнь моя уже прошла,
И хочется мне впредь
Не помнить этих страшных дней,
Любимых не хранить вещей,
Не вспоминать вины моей,
Свой всякий след стереть!¹³⁴

Тэсс хочет не умереть, а исчезнуть из мира, как если бы она никогда не существовала.

Если бы кошки могли оглянуться на свои жизни, желали бы они не жить вовсе? Трудно себе это предста-

134. Томас Гарди, «Жалоба Тэсс», в: Томас Гарди, *Избранные произведения*. Т. 3 (Москва: Художественная литература, 1989), с. 323.

вить. Поскольку они не делают из своей жизни истории, они не могут воспринимать ее как о трагедию или желать никогда не рождаться. Они принимают жизнь как дар.

Не таковы люди. В отличие от других животных, они готовы умереть за то, во что верят. Монотеисты и рационалисты видят в этом знак человеческого превосходства. Это показывает, что мы живем ради идей, а не ради удовлетворения инстинктов. Но если способность умирать за идею уникальна для людей, точно так же уникальна и их способность за нее убивать. Убивать и умирать за бессмысленные идеи — вот в чем многие люди нашли смысл своей жизни.

Отождествиться с идеей — значит почувствовать, что ты защищен от смерти. Как и люди, которыми они овладевают, идеи рождаются и умирают. Хотя они могут жить во многих поколениях, они стареют и уходят. Но до тех пор, пока люди охвачены идеями, они являются тем, что Беккер называл «животворными иллюзиями». Отождествляя себя с эфемерной фантазией, люди могут вообразить, что освободились от времени. Убивая тех, кто не разделяет их идей, они могут поверить, что победили смерть.

Будучи хищниками, кошки убивают, чтобы жить. Кошки готовы умереть за своих котят, и коты и кошки регулярно рискуют жизнью, чтобы сбежать из заточения. Они отличаются от людей тем, что не умирают и не убивают ради того, чтобы достичь бессмертия. Кошек-самураев не бывает. Кошки хотят умереть только тогда, когда они больше не хотят жить.

Витгенштейн писал:

Если под вечностью понимать не бесконечную протяженность времени, а безвременность, тогда вечно будут жить те, кто живет в настоящем¹³⁵.

135. Людвиг Витгенштейн, «Логико-философский трактат», в: Людвиг Витгенштейн, *Философские работы*. Ч. I (Москва: Гнозис, 2018), с. 71.

Поскольку люди могут придумать цель для своей жизни, они полагают, что знают о смерти больше, чем другие животные. Но то, что известно людям как неминуемая смерть, — это образ, порожденный в их разуме сознанием того, что время не стоит на месте. Кошки, которые знают свою жизнь только в том объеме, в котором они ее проживают, — это смертные бессмертные, задумывающиеся о смерти, только когда она приближается. Легко понять, почему их когда-то обожествляли.

Кошки как боги

Воплощая в себе свободу и счастье, каких у людей никогда не было, кошки — чужие в мире людей. Если в них видели «сверхъестественные» создания, то потому, что они живут в соответствии со своей природой. Поскольку у людей такой жизни не бывает, кошек стали считать демонами или богами.

Чтобы понять, почему кошкам поклонялись в Древнем Египте, нужно отбросить представления, кажущиеся нам сегодня естественными. Как писал Яромир Малек:

Разделение на людей и животных, которое мы инстинктивно производим, ощущалось не так сильно, и категории «животные» по сути дела не существовало. Иначе говоря, «живые существа» включали в себя богов, людей и животных. Богословский трактат, записанный при Шабакке (716–702 до н. э.), но созданный, возможно, еще в третьем тысячелетии до н. э., описывает сердце и язык бога-творца Пта, которые присутствуют во «всех богах, всех людях, всем скоте, всех червях, во всем живом». Точно так же, как и люди, животные были созданы богом-творцом, поклонялись ему (по-своему) и оберегались им. В некоторых исключительных случаях его связь с ними могла быть даже более прямой, чем с людьми¹³⁶.

136. Jaromir Malek, *The Cat in Ancient Egypt* (London: British Museum Press, 2017), p. 75–76.

Один из взглядов на архаические народы проникнут мифами XIX века о прогрессе. В новаторской истории Древнего Египта Джон Ромер емко передал суть этой мифологии:

Длинным временным нарративом у археологических историков [Египта]... был универсальный псевдоэволюционный прогресс, который шел по прямой линии от дикости через варварство к отелю «Риц»¹³⁷.

Согласно этому рационалистическому мифу, Древний Египет был обществом, склонным к магическому мышлению. Поскольку они были неспособны отличить свои собственные мысли от природного мира, люди этого далекого времени стирали различия между жизнью и смертью, богами и правителями. Но это означает, что мы проецируем наши собственные идеи и верования на древних людей.

У древних египтян не было ничего, подобного нашим современным представлениям о том, что означает быть человеком. Люди не занимали уникальное положение в мире, которого были бы лишены другие животные. Более поздние идеи греков и римлян, согласно которым человеческий разум был максимально близок к божественному, тоже отсутствовали, как и любое представление о «религии». Современного разделения священной сферы поклонения и «светской» сферы повседневной жизни не существовало. Если бы вы спросили древнего египтянина, к какой религии он принадлежит, он бы вас не понял.

Представления об области сверхъестественного, которое пришло из монотеизма, тоже еще не существовало. Египтяне унаследовали анимистские традиции, согласно которым мир был полон духов. В этих традициях

137. John Romer, *A History of Ancient Egypt from the First Farmers to the Great Pyramid* (London: Penguin Books, 2013), p. xix.

люди были ничем не лучше других животных. Не существовало двух совершенно разных порядков вещей — порядка неодушевленной материи и порядка имматериальных душ, но был только порядок, в котором у людей и животных были общие души. Многие из наших самых фундаментальных и якобы очевидных категорий мысли отсутствовали.

В философиях последних нескольких столетий человеческая цивилизация идет торжествующим маршем, который подводит к нам. На смену архаическому разуму приходит современный. Мифы и ритуалы уступают место научным объяснениям и прагматическим рассуждениям. Любое представление о том, что кошки могут быть магическими существами, принадлежит примитивному прошлому.

И тем не менее человеческий разум не так уж сильно изменился с архаических времен, и идея о том, что мы существенно отличаемся от древних египтян, сама по себе примитивна. Мы знаем гораздо больше их, и у нас гораздо больше власти над материальными аспектами природного мира, но от этого мы не становимся менее склонными к мифотворчеству.

Как только устаревшая мифология прогресса была оставлена позади, возникло новое представление о поклонении кошкам. Кошки стали богами в Древнем Египте в силу естественных причин. Они начали взаимодействовать с людьми, а затем и, как и на Ближнем Востоке, жить с ними рядом.

Около 4000 года до н. э. кошки забрели в египетские поселения и нашли там амбары с зерном, где жили грызуны и змеи, которых они стали убивать и есть. В течение последующих двух тысячелетий складывался симбиоз, при котором кошки извлекали пользу из связанных с человеком запасов еды, а люди — из сокращения численности вредителей. С 2000-х годов до н. э. кошки проникли в дома и были приняты в качестве компаньонов.

«Таким образом, — пишет Малек, — кошка в конце концов стала домашним животным или, точнее говоря, одомашнила саму себя»¹³⁸.

В небольшой могиле в Абидосе, на кладбище времен Среднего царства в Верхнем Египте, относящемся приблизительно к 1980–1801 годам до н. э., были найдены семнадцать скелетов кошек возле нескольких небольших горшков, которые могли содержать молоко. Если это так, то это, по-видимому, самый ранний зафиксированный пример подобного способа кормления взрослых кошек¹³⁹. Между 1000 годом до н. э. и 350 годом н. э. кошки стали считаться манифестациями богов, в особенности богини Баст, и их специально разводили при храмах. К 1250 году до н. э. относится стела с двумя кошками (небольшая каменная плита, закругленная сверху, устанавливавшаяся в задней части больших храмов), представляющая бога Ра, бога-солнце. Стела содержит стихотворение, адресованное, по-видимому, и «великой кошке», и богу солнца:

Восхваляя великую кошку,
Целуя землю под ногами Фета, великого бога:
О миролюбивый, возвращающий к миру,
Ты заставляешь меня увидеть тьму, сотворенную тобой,
Просвети меня, чтобы я мог лицезреть твою красоту,
Обратись ко мне,
О прекрасный, когда безмятежный,
Безмятежный, умеющий вернуться в безмятежность¹⁴⁰.

Из помощников по дому и компаньонов кошки стали предвестниками удачи и священными животными. Амулеты с изображениями кошек носили на теле или на одежде. Ко времени Нового царства (после 1540 до н. э.)

138. Jaromir Malek, *The Cat in Ancient Egypt*, p. 55.

139. *Ibid.*, p. 51.

140. *Ibid.*, p. 89.

на королевских могилах стали изображать, как кошки охраняют бога-солнце в его еженощных схождениях в подземный мир. В Книгах мертвых этого периода кошки изображаются взирающими на врагов бога и стоящими как часовые у последних врат, мимо которых он должен проходить в своем возвращении к жизни и свету. Статуэтки показывают кошек в обществе богов, которых они поддерживают или охраняют. Время от времени появляются люди, преклоняющие перед кошками колени.

К четвертому тысячелетию до н. э. в некрополисе Гермополя существовал «храм живой кошки» с большим кладбищем мумифицированных кошек при нем. Мумифицировали не только кошек, но и мангустов, ибисов, шакалов, ястребов и крокодилов и, естественно, людей. Но кошки мумифицировались в больших количествах, и в конце XIX столетия эти мумии посылались в Европу целыми кораблями. Поскольку на рынке образовался переизбыток, мумии кошек часто использовались в качестве удобрений или даже как балласт на судах, поэтому многие были уничтожены или утрачены.

Геродот пишет, что, когда у египтян в доме случался пожар, обитатели дома больше беспокоились о кошках, чем о своей собственности. Когда член делегации, приехавшей из Рима, убил кошку приблизительно в 59 году до н. э., с ним расправились, несмотря на вмешательство царя. Как предупреждал египетский мудрец Анхшешонк: «Не смейся над кошкой»¹⁴¹.

У монотеистов кошки пользуются дурной репутацией: уже христианский богослов Климент Александрийский во II веке критиковал египтян за то, что они держали кошек в храмах. Но некоторые теистические традиции относились к ним с большим уважением: итальянский католический монах св. Франциск Ассиз-

141. Malek, *The Cat in Ancient Egypt*, p. 75, 100.

ский (1182–1226) полагал, что любовь к творению Господнему включала в себя любовь ко всем тварям, которых он создал; еврейский закон содержит заповеди, требующие обращаться с кошками милосердно, в том числе заповедь о том, чтобы сельскохозяйственным животным предоставлялся день отдыха, — заповедь, которой 3000 лет. О пророке Мухаммеде рассказывают, что он отрезал себе рукав, чтобы не потревожить спавшую на нем кошку, а средневековый султан Бейбарс (ок. 1223–1277) завещал сад для устройства в нем приюта для бездомных кошек в Каире.

Кошки много чем были в Древнем Египте: иногда они были компаньонами людей, когда те переходили в загробную жизнь, в другое время они считались манифестациями богов, в третье — защитниками богов. То, что они могли быть всем этим одновременно, показывает, как тонко был устроен архаический египетский ум. Но это также говорит и о самом присутствии кошек. Кошки символизировали жизнеутверждающую силу в мире, озабоченном мертвыми. Религия Древнего Египта отвечала на перспективу смерти подготовкой к жизни в ином мире, но она нуждалась в кошках, чтобы сохранить ощущение жизни за гробом. Кошками, знающими только жизнь, пока они не окажутся на грани смерти, смерть не управляет. У египтян были веские основания желать, чтобы кошки присоединились к ним в путешествии по загробному миру.

Когда заходила речь о смерти, люди и кошки были в одной лодке. Никто в Древнем Египте не считал, что у людей есть душа, а у кошек ее нет. Но если душа не затронута смертью, кошачья душа ближе к бессмертию, чем человеческая.

6. КОШКИ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

ЕСЛИ БЫ кошки могли понимать человеческие поиски смысла, они бы замыкали в насмешку над их абсурдностью. Жизнь в качестве кошки, которой им случилось быть, сама по себе является для них достаточным смыслом. С другой стороны, люди не могут не искать смысл жизни в чем-то, что не сводится к их жизни.

Поиски смысла рождаются из осознания смерти, которое является продуктом человеческого сознания. Страхась окончания своей жизни, люди изобрели религии и философии, согласно которым смысл их жизни остается и после них. Но смысл, который извлекают люди, легко разрушается, поэтому они живут в еще большем страхе, чем раньше. Истории, которые они для себя придумывают, приживаются, и они днями напролет стараются быть персонажами, которых выдумали. Их жизни принадлежат не им, а той фигуре, которую они придумали в своем воображении.

Одно из следствий такого образа жизни — люди могут фиксироваться на тех случаях, когда их истории нарушаются. Они могут потерять любимых людей, их собственная жизнь может оказаться в опасности или их могут вынудить покинуть свой дом. Те, кто превращает свою жизнь в трагическую историю, пытаются справиться с переживанием невосполнимой утраты. Но такой способ справиться с ней обходится дорого. Если делать из своей жизни трагедию, это может придать ей

смысл, но и в то же время навсегда привязать к вашим горестям.

Кошки могут переносить ужасающие страдания, их жизни могут резко оборваться. В жизни Мео было много ужасов, и, когда что-то вызывало у него травматические воспоминания, эти ужасы к нему возвращались. Гаттино страдал в начале своей жизни и, скорее всего, в ее конце. Оба кота познали много боли, ни один не познал трагедии. Несмотря на страдания, они жили с бесстрашной радостью. Могут ли люди так жить? Или человечество слишком хрупко для подобной жизни?

*Кошачья природа,
человеческая природа*

Многие хотели бы убрать идею человеческой природы из лексикона. Люди создают себя сами, говорят они. В отличие от других животных, они могут выбирать, кем им быть. Разговоры о человеческой природе — это ущемление этой свободы, они ведут к тому, что люди остаются во власти произвольных норм.

Эта идея называется постмодернизмом, и за нее ратуют такие мыслители, как Жан Бодрийяр и Ричард Рорти. У нее много воплощений. Экзистенциализм в том виде, в котором его проповедовал ранний Сартр, был идеей о том, что у людей нет природы, только истории, которые они для себя сами придумали. Романтики хотели, чтобы жизнь каждого человека была произведением искусства, созданным — подобно лучшим произведениям, как они полагали, — из ничего. Но если люди, как и остальные живые существа, только случайный результат эволюции, то как они могут создавать свою собственную природу? Да, человеческие животные производят для себя искусственную природу. Отчасти это имеет в виду Паскаль, когда пишет: «Привычка — вторая природа, и она разрушает первую. Но что такое при-

рода? И почему привычка к природе не принадлежит? Я очень боюсь, что сама природа — не более чем первая привычка, как привычка — вторая природа»¹⁴². Но эта вторая природа может быть более поверхностной, чем полагал Паскаль.

Русский писатель Варлам Шаламов, пятнадцать лет выживавший в арктических лагерях ГУЛАГа, где температура временами опускалась ниже 50 градусов и где продолжительность жизни составляла около трех лет, замечал, что нескольких недель экстремального холода, голода, тяжелого труда и избиений достаточно, чтобы уничтожить человеческое в любом человеке. За исключением отдельных примеров доброты, в рассказах Шаламова об этом опыте ничего не говорится о стойкости «человеческого духа». Только нечеловеческие создания проявляют добрую волю: медведь и снегирь вызывают на себя огонь охотников, чтобы их подруги могли спастись, лайка защищает узников и рычит на охранников, кошка помогает заключенным ловить рыбу.

Люди быстро теряют свою человечность, тогда как кошки не перестают быть кошками. Но если человеческая природа, на которую претендуют люди, состоит из привычек, исчезающих за несколько недель, то что же есть в людях такого особенного, что они могут назвать своим?

Вопреки утверждениям постмодернистов, такая вещь, как человеческая природа, существует. Она, в частности, выражается во всеобщей потребности в смысле. Но человеческая природа произвела множество непохожих друг на друга и порой антагонистичных форм жизни. Как кто-то может познать свою собственную природу, если человеческая природа настолько противоречива?

142. Blaise Pascal, *Pensées*, translated with an introduction by A.J. Krailsheimer (London, Penguin Books, 1966), p. 61; Блез Паскаль, *Мысли* (Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1995), с. 108.

Может быть, идея того, что у каждого из нас есть своя собственная природа, — еще одна метафизическая выдумка?

Истина, содержащаяся в выдумке об индивидуальной природе, состоит в том, что каждый из нас не выбирает хорошую жизнь для себя, а случайно находит. Даже когда наш опыт рождается, как нам кажется, из принятых нами решений, мы его не определяем. Хорошая жизнь — не та, которой вы желаете, а та, в которой вы находите самореализацию. Если убрать всю метафизику, в этом состоит идея конатуса у Спинозы и даосская идея о том, что мы должны следовать пути, который в нас есть.

Здесь мы сходимся со всеми остальными живыми существами. Люди не стоят выше других животных или ниже их. Нет космической шкалы ценностей, великой цепи бытия; нет внешнего мерила, которым может измеряться ценность жизни. Люди — это люди, кошки — это кошки. Разница в том, что, если кошкам у нас нечему учиться, мы можем научиться у них облегчать бремя нашей человеческой природы.

Одна ноша, которую мы можем сбросить, — мысль о том, что возможна идеальная жизнь. Дело не в том, что наши жизни неизбежно неидеальны. Они богаче любой идеи совершенства. Хорошая жизнь — не та, которая могла бы у вас быть или еще может быть, а та, которая уже есть. Здесь кошки могут стать нашими учителями, потому что они не тоскуют по жизням, которые не прожили.

Десять кошачьих советов о том, как жить хорошо

Кошкам неинтересно учить людей жить, а если бы и было интересно, то они бы не стали давать нам заповеди. Однако можно себе представить, что кошки могли бы намекнуть нам, как жить более изящно. Ясно, что они бы не стали ждать, что мы применим их советы на практи-

ке. Они бы предложили свои подсказки в форме игры, развлечения для себя и людей, которые их принимают.

1. Никогда не пытайтесь убеждать людей быть разумными.

Пытаться убедить людей, что они должны быть рациональными, — это как учить кошек быть веганами. Люди используют разум для того, чтобы укрепиться в вере в то, во что они хотят верить, а не для того, чтобы выяснить, истинно ли это. Может быть, это плохо, но сделать с этим ничего нельзя — ни вам, ни кому-нибудь еще. Если человеческое неразумие вас раздражает или становится для вас угрозой, отойдите в сторону.

2. Глупо жаловаться на то, что у вас недостаточно времени.

Если вы думаете, что вам не хватает времени, — вы не умеете его проводить. Делайте то, что служит вашей цели, и то, что вам нравится делать просто так. И тогда у вас появится масса времени.

3. Не ищите смысла в ваших страданиях.

Если вы несчастны, вы можете найти утешение в вашем несчастье, но рискуете сделать его смыслом вашей жизни. Не привязывайтесь к своим страданиям и избегайте тех, кто это делает.

4. Лучше быть равнодушным к другим людям, чем чувствовать, что вы обязаны их любить.

Мало какие идеалы были настолько вредны, как идеал всеобщей любви. Лучше воспитывайте в себе безразличие, которое может обернуться добротой.

5. Забудьте о погоне за счастьем, и вы, возможно, его найдете.

Вы не найдете счастья, гоняясь за ним, потому что не знаете, что делает вас счастливым. Вместо этого зани-

майтесь тем, что находите интересным, и будете счастливы, ничего не зная о счастье.

6. Жизнь не история.

Если вы представляете свою жизнь как историю, у вас возникнет искушение написать ее до конца. Но вы не знаете, как закончится ваша жизнь или что случится, прежде чем она закончится. Сценарий лучше отбросить. Жить не прописанной в сценарии жизнью в любом случае лучше, чем какой угодно историей, которую вы выдумаете.

7. Не бойтесь темноты, ибо в ночи можно найти много ценного.

Вас учили думать, прежде чем за что-то браться, и часто этот совет оказывается хорошим. Действовать сообразно чувствам, которые вы в данный момент испытываете, возможно, не более чем следовать устаревшей философии, которую вы бездумно приняли. Но иногда лучше следовать за проблеском в темноте. Вы никогда не знаете, куда он вас приведет.

8. Спице вволю.

Спать так, чтобы больше работать, когда проснетесь, — какая жалкая жизнь. Спице ради удовольствия, а не ради выгоды.

9. Остерегайтесь любого, кто предлагает вас осчастливить.

Те, кто предлагает вас осчастливить, делают это затем, чтобы самим стать менее несчастными. Ваши страдания им необходимы, поскольку без них у них самих будет меньше причин жить. Не доверяйте людям, которые говорят, что живут ради других.

10. Если не можете жить хотя бы немного как кошка, без

сожалений возвращайтесь в человеческий мир развлечений.

Жить как кошка — значит не желать ничего помимо той жизни, которой вы живете. Это означает жить без утешения, и для вас это может оказаться невыносимо. Если так, возвращайтесь к старомодной религии, желательно той, в которой нет недостатка в ритуалах. Если не можете найти себе подходящую веру, забудьте в обычной жизни. Волнения и разочарования романтической любви, погоня за деньгами и честолюбием, шарады политики и шум новостей вскоре изгонят любое ощущение пустоты.

Мео на подоконнике

Кот-философ не стал бы заставлять людей стремиться к мудрости. Если вы не находите удовольствие в жизни как таковой, ищите самореализацию в непостоянстве и иллюзии. Не боритесь со страхом смерти. Пусть он сам уйдет. Если жаждете покоя, всегда будете оказываться в водовороте страстей. Не отворачивайтесь от мира, а повернитесь к нему и примите его безумие с распростертыми объятиями.

Временами вам будет хотеться вернуться к себе. Смотреть на мир и не пытаться втиснуть его в рамки нашей истории — во многих традициях это называется созерцанием. Когда вы смотрите на вещи, не испытывая желания их изменить, в них может мелькнуть проблеск вечности. Каждый момент завершен, и перемена декораций открывается вам так, словно она происходит вне времени. Вечность — не еще один порядок вещей, а мир, на который смотрят без тревоги.

Для людей созерцание — отвлечение от жизни, для кошек — ощущение самой жизни. Мео всегда жил среди опасностей и много часов просидел, притулившись на подоконнике. Он не искал смысла в жизни, кото-

рую наблюдал внизу. Кошки показывают нам, что искать смысл — это как искать счастье, способ отвлечься. Смысл жизни — прикосновение, запах, который приходит случайно и уходит, прежде чем вы поймете, что это было.

БЛАГОДАРНОСТИ

Меня неизменно поддерживал мой редактор в издательстве Penguin Саймон Уиндер. Комментарии его и его коллеги Эвы Ходжкин несоизмеримо улучшили данный текст. Мой агент из The Wylie Agency Трейси Бохан и ее коллега Дженнифер Бернстайн замечательно поддерживали меня и помогали с момента появления замысла этой книги. Адам Филлипс многие годы подхлестывал мои размышления на темы, затронутые в книге, и его замечания были бесценны. Беседы с Брайеном Эпплардом, Робертом Коллсом, Майклом Линдом, Полем Шуце, Джеффри Смитом, Шейлой Стивенс и Мариной Вейзи помогли мне ее написать.

Свой незаменимый вклад также внесли четыре кошки. Две сестры бирманской породы, Софи и Сара, и два брата породы бурма, Джейми и Джулиан, были моими любимыми товарищами на протяжении почти 30 лет. Джулиану шел 23-й год, и он все еще радовался жизни, когда я писал эту книгу.

Как всегда, выражаю глубочайшую благодарность моей жене Миeko, без которой ничего этого бы не было.

Джон Грэй — известный британский политический философ и историк идей. Автор книг *Postliberalism* (1993), *Straw Dogs* (2002), *The Immortalization Commission* (2011), «Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности» (М., 2003).

Научное издание

Джон Грэй
КОШАЧЬЯ ФИЛОСОФИЯ
КОШКИ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Редактор, корректор ТАТЬЯНА РЕДЬКИНА
Дизайн серии, обложка, верстка СЕРГЕЯ ЗИНОВЬЕВА

Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 02.11.22. Тираж 2000 экз.
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография».
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

СПРАШИВАЙТЕ КНИГИ
В МАГАЗИНАХ ВАШЕГО ГОРОДА

МОСКВА

Специализированные магазины деловой книги «Академия»

в РАНХиГС по адресу: Москва, проспект Вернадского, 82

+7 (499) 270-29-78

«Москва», ул. Тверская, 8; Воздвиженка ул., 4/7, стр. 7

+7 (495) 629-64-83, 797-87-17

«Библио-глобус», ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1, +7 (495) 781-19-00

«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27, стр.3,

+7 (495) 629-88-21, 504-47-95 falanster@mail.ru

«Фаланстер на Винзаводе», 4-й Сыромятнический пер., 1, стр. 6,

+7 (495) 926-30-42

«Читай-Город (Новый книжный)», +7 (495) 937-85-81, 177-22-11

Циолковский, Новая площадь, 3/4 (Здание Политехнического музея), подъезд 7Д, +7 (495) 628-64-42

«Гнозис», Турчанинов пер, 4, +7 (499) 255-77-57

«36'6», ул. Бакунинская, 71, стр. 10, +7 (495) 926-45-44

«Аргумент», Ленинские горы, МГУ, 1, сектор «Б», +7 (495) 939-42-95

Дом педагогической книги, ул. Большая Дмитровка, 7/5, стр. 1

+7 (495) 629-43-92

«Ходасевич», ул. Покровка, 6, +7-965-179-34-98

«Гараж», ул. Крымский Вал, 9, стр. 32, +7 (495) 645-05-21

«Гиперион», Хохловский пер., 7-9, стр. 3, +7-916-613-42-86

«У Кентавра», Миусская площадь, 6, корп. 6, +7 (495) 250-65-46

«Книга Максима», Ленинские горы 1, стр. 51

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Санкт-Петербургский дом книги, Невский проспект, 28 (дом Зингера),

+7 (812) 448-23-55

«Подписные издания», Литейный просп., 57, +7 (812) 273-50-53

«Порядок слов», наб. реки Фонтанки, 15, +7 (812) 310-50-36

«Все свободны», ул. Некрасова, 23, +7-911-977-40-47

Дом культуры имени Крупской, Проспект Обуховской обороны, 105

+7 (812) 412-34-78

ЕКАТЕРИНБУРГ

«Пиотровский», ул. Бориса Ельцина, за (Ельцин-Центр)

+7 (343) 312-43-43

Екатеринбургский дом книги, ул. Антона Валека, 1, +7 (343) 253-50-10

«Йозеф Кнехт», ул. 8 Марта, 7 (вход с набережной), +7-909-015-79-68

НОВОСИБИРСК

«Капиталь», ул. Максима Горького, 78, +7 (383) 223-69-73

КАЗАНЬ

«Смена», ул. Бурхана Шахиди, 7, +7 (843) 249-50-23

ПЕРМЬ

«Пиотровский», ул. Ленина, 54, +7 (342) 243-03-51

СТАВРОПОЛЬ

«Князь Мышкин», пр. К. Маркса, 54в, +7 (928) 963-94-81,

myshkinbooks@yandex.ru

ТОМСК

«Догма 80», пр. Ленина, 85а, 2 этаж, оф. 4

Книги издательства можно приобрести в сетевых книжных магазинах в Москве, Санкт-Петербурге и других городах (о наличии книг в вашем городе можно узнать на сайте магазина):

«**Буквоед**»

«**Книжный лабиринт**»

«**Новый книжный**»

«**Читай-Город**»

«**Семафор**»

«**Медленные книги**»

Доставку по всей России осуществляет интернет-магазин **Wildberries**

Доставку по всему миру осуществляет интернет-магазин **Ozon**

Институт экономической политики имени Егора Тимуровича Гайдара — крупнейший российский научно-исследовательский и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся к исходному наименованию, и ему было присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Задачей издательства является публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук, трудов классиков и современников.

